

*«Мы исчерпали все свои чистые
листы и вторые шансы».*

ЗАКОН МОИСЕЯ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ЭМИ ХАРМОН

Эми Хармон
Закон Моисея
Серия «Young Adult.
Лучшая проза Эми Хармон»
Серия «Закон Моисея», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57431247
Закон Моисея: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-111641-5

Аннотация

Его нашли в корзинке для белья в прачечной. Младенцу было всего несколько часов от роду, но смерть уже поджидала его за углом. Малыша окрестили Моисеем и назвали сломленным ребенком. Когда я услышала эту фразу, то представила, будто при рождении по его хрупкому тельцу пошла огромная трещина. Я понимала, что это всего лишь метафора, но картинка не выходила у меня из головы. Возможно, именно образ сломленного юноши и привлек мое внимание.

Мама говорила, что весь город следил за историей маленького Моисея, но никто не мог ему помочь. Спустя несколько лет он сам ворвался в мою жизнь подобно волне и стал глотком свежей воды – холодной, глубокой, непредсказуемой и опасной, словно синяя

бездна. Как обычно, я окунулась в нее с головой, несмотря на все запреты. Вот только на сей раз я пошла на дно.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. До	8
Глава 1. Джорджия	8
Глава 2. Джорджия	26
Глава 3. Моисей	43
Глава 4. Джорджия	63
Глава 5. Моисей	78
Глава 6. Моисей	95
Глава 7. Моисей	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Эми Хармон

Закон Моисея

© Харченко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается Мэри Суториус, моей бабушке,
которая была бы в восторге от того, что я стала
писателем.*

Пролог

Вступительные слова любой истории всегда даются тяжелее всего. Будто, как только выведешь их на бумаге, ты уже обязан довести дело до конца. Будто начав, ты не имеешь права не закончить. А как закончить то, что не имеет конца? Это история бесконечной любви... хотя мне потребовалось время, чтобы прийти к этому осознанию.

Если скажу вам в самом начале, без всяких околичностей, что потерял его, вам будет легче с этим смириться. Вы будете знать, что грядет и что дальше будет больно. В вашей груди появится ноющее ощущение, живот скрутит от страха. Но вы сможете морально подготовиться. Вот мой вам подарок. Меня не удостоили такой привилегией, и я оказался не готов.

А после того, как его не стало? Все покатилося под откос. Дни становились только хуже. Чувство сожаления не уходило, горе все так же резало по сердцу, бесконечный калейдоскоп грядущих дней – дней без него – внушал лишь безнадежность. По правде говоря – раз уж я решил, что только правда у меня и есть, – я бы с радостью променял свою участь на любую другую. Но имеем, что имеем. И я не был готов.

Я не могу описать свои чувства – ни ушедшие, ни нынешние. Все слова кажутся пустым звуком и отдают дешевизной, превращая каждую мою фразу, каждую эмоцию в бульвар-

ный романчик, полный избитых метафор, чтобы выжать из вас слезы и мгновенно вызвать сопереживание. Сопереживание, никак не связанное с действительностью, – это лишь легкая эмоция, которая забудется, как только вы закроете книгу. Эмоция, от которой вы смахнете слезы с глаз и радостно всхлипнете, потому что это всего лишь история. И что лучше всего – не ваша история. Но все не так просто.

Потому что это моя история. И я не был готов.

Часть 1. До

Глава 1. Джорджия

Моисея, обернутого в полотенце, нашли в корзинке для белья в прачечной. Ему было всего несколько часов от роду, но смерть уже поджидала его за углом. Какая-то женщина услышала его плач и, взяв на руки, укутала в пальто, чтобы согреть младенца теплом своего тела, пока не придет помощь. Она не знала, вернется ли его мать и кем та была, — поняла только то, что это нежеланный ребенок, и, если его немедленно не отвезти в больницу, он умрет.

Его прозвали «дитя ломки». Мама сказала, что так называют детей, которые рождаются с зависимостью, потому что их матери употребляли наркотики во время беременности. Обычно такие младенцы развиваются медленнее, поскольку в основном рождаются раньше срока у нездоровых матерей. Наркотики влияют на химические процессы их мозга, что приводит к синдрому дефицита внимания и проблемам с самоконтролем. В отдельных случаях они страдают от припадков и психических отклонений или от галлюцинаций и гиперчувствительности. Считалось, что некоторые из этих расстройств проявятся и у Моисея, если не все сразу.

Про него сняли репортаж и показали в утреннем выпус-

ке новостей. Отличная история вышла, не оторваться – младенец, брошенный в грязной прачечной в неблагополучном районе Вест-Вэлли-Сити. Мама говорит, что хорошо помнит тот репортаж – пробивающие на слезу кадры младенца в больнице, чья жизнь висела на волоске, с зондом для кормления в животе и синей медицинской шапочкой на крошечной голове. Спустя три дня нашлась его мать, хотя возвращать ей ребенка никто не хотел. Но и не пришлось. Она погибла. Женщину, оставившую своего ребенка в прачечной, объявили мертвой по прибытии в ту же больницу, где боролось за жизнь ее дитя, всего в паре этажей над ней. Ее тоже кто-то нашел, правда, не в прачечной.

Ее соседка, которую арестовали в тот же вечер за проституцию и хранение наркотиков, рассказала полиции все, что знала о погибшей матери и ее брошенном ребенке, надеясь хоть на небольшое смягчение наказания. Вскрытие показало, что женщина действительно недавно рожала. А позже анализ ДНК подтвердил, что мальчик действительно ее. Вот так везение.

В новостях его прозвали «младенцем в корзинке», в честь чего больничным персоналом окрестил малыша Моисеем. Увы, в отличие от библейского тезки, Моисея не нашла дочь фараона. Он не рос во дворце. У него не было сестры, которая наблюдала бы из зарослей тростника, чтобы его корзинку точно выловили из Нила. Но семья у него все же нашлась – мама сказала, что весь город поднялся на уши, когда выяс-

нилось, что покойная мать Моисея была местной. Ее звали Дженнифер Райт, и она часто приезжала на лето к своей бабушке, которая жила с нами на одной улице. Бабушка все так же жила неподалеку, родители Дженнифер – в соседнем городке, и некоторые из ее переехавших родственников тоже были известны многим жителям. Так что у малыша Моисея все-таки была семья, но никто из них не горел желанием взять под крышу больного младенца, от которого, как предрекали, стоило ждать проблем. Дженнифер Райт разбила сердца своим близким и оставила их сломленными и усталыми. Мама сказала, что это обычный случай, когда в деле замешаны наркотики. Так что тот факт, что она оставила им «дитя ломки», никого особенно не удивил. В юности Дженнифер была обычной девушкой. Симпатичной, милой, даже умной. Но недостаточно, чтобы держаться подальше от поработившей ее дури. Когда Моисея называли «дитя ломки», я представляла, будто его сломали при рождении и по его тельцу пошла огромная трещина. Само собой, я знала, что этот термин означает совсем другое, но картинка не выходила у меня из головы. Возможно, именно этот образ сломленного юноши и привлек меня к нему в первую очередь.

Мама говорила, что весь город следил за историей маленького Моисея Райта – они смотрели новости, делали вид, что получали информацию из первых рук, и додумывали то, чего не знали, просто чтобы потешить чувство собственной важности. Того прославленного малыша я так и не узнала – толь-

ко обычного, подростшего Моисея. Члены семейства Райт постоянно сплавляли его друг другу, когда он начинал приносить слишком много хлопот, – передавали очередному двоюродному или троюродному родственнику, который терпел его какое-то время, а затем пересаживал на шею следующему в очереди. Все это произошло еще до моего рождения, и к моменту нашего знакомства – мама все мне о нем рассказывала, чтобы помочь «понять его и быть учливой», – история Моисея уже изжила себя, и никто не хотел с ним возиться. Люди любят детей, даже больных. Даже «детей ломки». Но они вырастают в подростков. А никто не хочет иметь дела с проблемными подростками.

Именно таким и был Моисей.

К нашей первой встрече я уже знала все о таких детях. Всю мою жизнь родители брали их под опеку. К моим шести годам от нас съехали две мои старшие сестры и брат. Я оказалась неожиданным сюрпризом и в итоге росла с неродными мне братьями и сестрами, которые поэтапно приходили и уходили из моей жизни. Возможно, именно поэтому мама с папой и Кэтлин Райт – бабушка Дженнифер Райт и прабабушка Моисея – подчас обсуждали мальчика за нашим кухонным столом. Я подслушала многое, что никоим образом меня не касалось. Особенно в то лето.

Кэтлин решила лично заняться воспитанием Моисея. Через месяц ему должно было стукнуть восемнадцать, и все остальные родственники готовились наконец умыть руки и

забыть о нем. Он проводил с ней каждое лето еще с юных лет, и Кэтлин не сомневалась, что они прекрасно поладят, если все остальные просто не будут вмешиваться в их дела. Похоже, ее ничуть не заботил тот факт, что, когда Моисею исполнится восемнадцать, ей будет восемьдесят.

Я знала его историю и помнила его с прошлых летних сезонов, но мы никогда не общались. Городок у нас маленький, так что все дети знакомы друг с другом. Каждое воскресенье Кэтлин Райт водила его в церковь. В воскресной школе все ученики с любопытством пялились на него, пока учительница пыталась выудить из Моисея хоть пару слов на занятии. Но он всегда молчал. Просто сидел на складном стульчике с таким видом, будто ему дали за это хорошенькую взятку, крутил руки на коленях и разглядывал все вокруг своими странными глазами. А как только урок заканчивался, он шустро выбегал за дверь под лучи солнца и шел напрямик домой, не дожидаясь, пока его заберет прабабушка. Я пыталась догнать его, но ему всегда удавалось сбежать из класса быстрее меня. Даже в те времена я уже пыталась угнаться за ним.

Время от времени Моисей с Кэтлин отправлялись на пешие или велосипедные прогулки, а еще она почти каждый день возила его в бассейн в Нифай, что вызывало у меня дикую зависть. В моем случае, если за лето удавалось хоть пару раз покупаться в бассейне, это уже считалось везением. Если сильно хотелось искупнуться, я ехала на велосипеде к

рыбацкому пруду в каньоне Чикен-крик. Родители запрещали мне это делать, поскольку он был слишком холодным, глубоким и мутным – даже несколько опасным. Но уж лучше утонуть, чем не плавать вовсе, и пока что мне удавалось держаться на плаву.

Чем старше становился Моисей, тем реже он посещал Леван. С его прошлого визита прошло уже два года, несмотря на все уговоры Кэтлин переехать к ней окончательно. Семья была против: мол, его воспитание ей не по силам, он «слишком эмоциональный, слишком вспыльчивый, слишком темпераментный». Но в конечном итоге все так от него устали, что дали согласие. И так Моисей переехал в Леван.

Мы оба перешли в выпускной класс, хотя я была младше других учеников, а он – на год старше. У нас обоих день рождения выпадал на лето – 2 июля Моисею исполнялось восемнадцать, а мне 28 августа – семнадцать. Но он не выглядел на свой возраст. За два года, что мы не виделись, он сильно возмужал, и в глазах светилась житейская мудрость, не свойственная юноше его лет. Он стал высоким и широкоплечим, на его стройном теле четко очерчивались мышцы, а светлые глаза, точеные скулы и волевой подбородок больше соответствовали египетскому принцу, чем члену гангстерской банды, в которой, по слухам, он состоял.

Моисей не справлялся с учебой. Ему было трудно на чем-то сосредоточиться и подолгу сидеть на одном месте. Его семья утверждала, что он даже страдал от припадков и галлю-

цинаций, которые они пытались контролировать при помощи разных медикаментов. Его бабушка как-то рассказывала моей маме, что он бывает угрюмым и раздражительным, плохо спит и часто отвлекается на свои мысли. Но она также сказала, что он обладает высоким интеллектом, чуть ли не гениальным, и рисует как никто другой прежде. Но препараты, которые должны были помочь ему с усидчивостью и сосредоточенностью в школе, делали его медлительным, вялым, а его картины – мрачными и пугающими. Кэтлин Райт решила, что перестанет давать ему лекарства.

«Из-за них он похож на зомби, – подслушала я. – Уж лучше я попытаю счастья с непоседой, который не может перестать рисовать. В мое время это не считалось чем-то постыдным».

Как по мне, прозвище «зомби» звучало предпочтительнее. При всей его красоте Моисей Райт все равно навевал страх. Он напоминал мне хищную кошку: поджарое тело, бронзовая кожа, причудливые светлые глаза. Гибкий, тихий, опасный. Зомби, на худой конец, неповоротливы. Дикие кошки же нападают стремительно. Уживаться с Моисеем Райтом было все равно что дружить с пантерой, и я восхищалась решимостью этой пожилой дамы. Откровенно говоря, никого храбрее нее я не встречала.

Поскольку во всем нашем городке было всего две девочки моего возраста, я нередко чувствовала себя одиноко – в частности потому, что, в отличие от меня, ни одна из них не

интересовалась лошадьми и родео. Наши дружеские отношения ограничивались тем, что мы здоровались при встрече и сидели рядом во время церковных служб, но скучные летние деньки коротали по отдельности.

То лето выдалось особенно жарким. Это мне хорошо запомнилось. В тот год весна была самой засушливой за всю историю, что привело к лесным пожарам по всему западу. Фермеры молились о дожде, а из-за расшатанных нервов и сверхвысокой температуры люди становились вспыльчивыми и несдержанными. А еще по центральным округам Юты начали один за другим пропадать люди. Исчезли две девушки из разных городов, хотя считалось, что одна сбежала со своим парнем, а вторая была почти совершеннолетней и из неблагополучной семьи. Все просто предположили, что они целы и здоровы, но за последние десять-пятнадцать лет уже случалось несколько подобных исчезновений, которые так и остались нераскрытыми. Из-за этого родители были на взводе и следили пристальнее за своими детьми. Мои не являлись исключением.

Я становилась все более неугомонной и вздорной. Мне не терпелось поскорее покончить с обучением и зажить в свое удовольствие. Я мечтала выступать на родео – в скачках во-
круг бочек¹, – о том, как прицеплю конный фургон к своей

---

¹ Единственная дисциплина в родео, где выступают только женщины. Участники стартуют по одному, необходимо как можно быстрее преодолеть маршрут во-
круг трёх бочек, расставленных треугольником. Скорость прохождения дистан-
ции на соревнованиях весьма высокая – результаты лучших пар всадница-ло-

машине и отправлюсь на гастроли в поисках свободы. Только я, мои лошади, куча побед за спиной и открытая дорога впереди. Как же мне этого хотелось! Но мне семнадцать, и, памятуя о пропавших девушках, родители ни за что бы не отпустили меня одну, а самим везти меня не было времени. Они пообещали обсудить эту тему всерьез, когда я окончу школу и стану совершеннолетней. Но конец учебного года был так далеко, а впереди простиралось только сухое, как пустыня, лето. Я изнывала от жажды по новым ощущениям. Может, в этом все и дело. Может, именно поэтому я зашла слишком далеко, прыгнула выше собственной головы.

В чем бы ни крылась причина, переезд Моисея в Леван был для меня как глоток свежей воды – холодной, глубокой, непредсказуемой и, как тот пруд в каньоне, опасной, поскольку никогда не знаешь, что кроется на глубине. Но, как обычно, я окунулась в нее с головой, несмотря на все запреты. Вот только на сей раз я пошла на дно.

* * *

– На что уставился? – дерзко спросила я, наконец давая Моисею то, чего, как мне казалось, он хотел – моего внимания.

Все приемные дети упивались им, словно оно для них так же необходимо, как воздух. Как же меня это бесило! Не по-

тому, что они требовали внимания от моих родителей, а потому, что им хотелось его и от меня. Я же предпочитала уединяться с лошадьми. Они, в отличие от всех остальных, не были навязчивыми до скрежета зубов. А теперь и Моисей вторгся в мою конюшню и прервал наше время с Сакеттом и Лакки, выкачивая весь воздух из помещения, как все приемные дети.

Кэтлин Райт попросила родителей найти Моисею какое-нибудь полезное применение на ферме, чтобы он исчерпал хоть часть своей неумной энергии, накопившейся после того, как он перестал пить таблетки. К примеру, вычистить стойла, прополоть сад, подстричь газон, покормить кур – что угодно, лишь бы загрузить его на все лето и учебный год, если все пойдет по плану. Обычно этим занималась я и с радостью согласилась бы на руку помощи. Но папа подыскивал Моисею другие задачи, и он исправно их выполнял – настолько, что список дел по хозяйству уже подходил к концу. Занять его на все лето оказалось попросту невозможно.

По всей видимости, папа также поручил ему убратся в конюшне, и все утро Моисей как безумный укладывал тюки сена и подметал. Я даже не знала, радоваться мне или печалиться. Особенно, когда он внезапно замер, опустив руки, и уставился в одну точку. Не на меня. Он смотрел мне за плечо, округлив свои звериные желто-зеленые глаза. Парень стоял совершенно неподвижно, чего я раньше за ним не замечала – ни разу с момента его приезда. Моисей проигно-

рировал мой вопрос и просто сжимал и разжимал пальцы, как если бы пытался улучшить кровообращение. Я тоже частенько так делала, когда забывала перчатки и подолгу ждала автобус на остановке. Но вряд ли он мог замерзнуть в середине необычайно жаркого июня.

– МОИСЕЙ! – рявкнула я, пытаясь привести парня в чувства.

Кто его знает, вдруг в следующую секунду он начнет биться в конвульсиях на полу, и мне придется делать ему искусственное дыхание или что-то подобное? От мысли о соприкосновении наших губ в моем животе что-то странно затрепетало. Я представила, каково будет прильнуть к нему, – пусть и для того, чтобы просто вдохнуть в него воздух. Он был недурен собой. В животе снова что-то заворшилось – причудливое, но не неприятное ощущение. Моисей был по-своему красив – не такой, как все, особенно со своими волчьими глазами. И нужно отдать должное – эта экзотичность была ему к лицу. Он выглядел круто. Жаль, что это ломкая красота...

Родители использовали лошадей для терапии с проблемными детьми. Более того, их программа стала всемирно известной из-за метода невербального общения – ну, знаете, поскольку лошади не разговаривают. Это их коронная рекламная фразочка, которая должна расположить и вызвать улыбку у потенциальных клиентов. Лошади не разговаривают, но порой и дети не могут прибегнуть к словам, и иппо-

терапия – модное название установления контакта с лошадью, чтобы посредством наблюдения за ней понять самого себя, – их основное средство заработка. Ну и еще мой папа ветеринар, и в будущем я хотела бы пойти по его стопам. Наши лошади хорошо натренированы и приучены к детям. Они знают, что должны вести себя спокойно при приближении ребенка. Обладают непоколебимым терпением. Позволяют незнакомцам надеть на них уздечку и даже сами закусывают трензель. И когда эти проблемные дети возвращаются к своим семьям или покидают нашу уже совершенно другими людьми, взрослые всегда говорят одно и то же: что эта терапия настоящее «чудо» и «прорыв».

Последние две недели Моисей постоянно околачивался рядом – убирался, пропалывал сад, ел с нами за одним столом (господи, сколько ж в него влезает), и просто действовал мне на нервы, поскольку его присутствие вызывало у меня дискомфорт. Не то чтобы он делал что-то плохое, но почему-то у меня от него пробежали мурашки по коже. Зато он не пытался завести со мной разговор, как по мне, это была его единственная положительная черта. Ну и еще странный цвет глаз. И мускулы. Я слегка вздрогнула от отвращения к себе. Он же чудак. О чем я только думаю?

– Ты когда-нибудь катался на лошади? – спросила я в попытке отвлечься.

Моисей с явным трудом вернулся из мира грез и наконец перестал пялиться в одну точку.

Его взгляд ненадолго сосредоточился на мне, но он промолчал. Я решила повторить вопрос.

Моисей покачал головой.

– Нет? А хоть гладил их?

Снова покачал.

– Так подойди ближе.

Я кивнула на лошадь. Мне пришло в голову, что я тоже смогу помочь Моисею иппотерапией, как мама с папой. Я много раз наблюдала за их работой, так почему бы и мне не попробовать спасти этого проблемного ребенка?

Моисей испуганно отпрянул. За все недели, что он трудился на ферме, он ни разу не приблизился к животным. *Ни разу*. Только наблюдал за ними, за мной и никогда не разговаривал.

– Ну же, давай! Сакетт лучший конь в мире. Хотя бы прикоснись к нему.

– Я его напугаю, – ответил Моисей.

Я снова вздрогнула. Моисей впервые подал голос, и он не ломался, как у моего приемного брата Бобби и большинства других мальчишек. Их голоса будто постепенно спускались вниз по скрипучим и хрупким ступенькам, пока наконец не оказывались в подвале. Моисей же, напротив, уже говорил басовито, его голос обволакивал меня теплом и вызвал легкий трепет в сердце.

– Вовсе нет. Сакетта вообще трудно заставить нервничать. Его ничего не пугает. Если бы ты захотел, он простоял бы

тут весь день в твоих объятиях. Вот Лакки мог бы откусить тебе руку и лягнуть в лицо. Но Сакетт – ни в коем случае.

Я уже много месяцев пыталась расположить к себе Лакки – кто-то подарил его отцу в качестве платы за услуги, которые были им не по карману. У папы не было времени укрощать его норов, так что он отдал коня мне, предварительно напомнив, чтобы я была осторожной.

Я только посмеялась: осторожность – не мой метод.

У папы это тоже вызвало улыбку, но все же он предостерег:

«Я серьезно, Георг. Его не просто так зовут Лакки. Тебе очень повезет, если он когда-нибудь позволит оседлать его».
– Животные меня недолюбливают.

Моисей произнес это так тихо, что я почти его не расслышала. Отмахнувшись от мыслей о Лакки, я погладила своего верного спутника – коня, на котором я впервые прокатилась верхом.

– Сакетт всех любит.

– Я ему не понравлюсь. Хотя, возможно, дело не во мне, а в них.

Я недоуменно обвела взглядом амбар. Там были только мы с Моисеем и Сакетт.

– Ты о ком? Чувак, здесь только мы.

Моисей не ответил.

Я выжидающе уставилась на него, дерзко вскинув бровь. Затем погладила Сакетта по носу и шее. Он и ухом не повел.

– Видишь? Он как статуя. Сакетт обожает купаться в любви. Давай же, подойди.

Моисей приблизился на шаг и осторожно поднял к Сакетту руку. Тот нервно зафыркал.

Моисей тут же отошел.

Я напряженно хихикнула.

– Какого черта?

Наверное, мне стоило прислушаться к словам Моисея, но увы, я ему не поверила. И не в последний раз.

– Ты же не струсил, правда? – подтрунивала я его. – Погладь его – он не кусается.

Моисей задумчиво посмотрел на меня своими золотисто-зелеными глазами и снова шагнул вперед, протягивая руку.

И в эту секунду Сакетт внезапно встал на дыбы, будто набрался дурного у Лакки. Подобное поведение было абсолютно нехарактерно для коня, которого я знала всю свою жизнь, коня, который ни разу не взбрыкнул за годы нашей взаимной любви. Но сейчас он даже не дал мне возможности вскрикнуть или потянуться к недоузду. Сакетт ударил меня копытом в лоб, и я плюхнулась на пол, как мешок с картошкой.

Открыв глаза, пощипывавшие от крови, я уставилась на старые потолочные балки. Я лежала на спине, и голова раскалывалась так, будто меня лягнула лошадь – в эту секунду пришло озарение, что именно это и *случилось*. И не какая-нибудь там лошадь, а Сакетт! Мое удивление едва ли не

превозмогало над болью.

– Джорджия?

Внезапно надо мной, перекрывая вид на пересекающиеся балки и пылинки, выплясывающие в лучах солнца, которое просачивалось сквозь трещины в стенах, возникло расплывчатое лицо.

Моисей положил мою голову себе на колени и прижал футболку ко лбу. Даже в полубессознательном состоянии я все равно не упустила из внимания его обнаженные плечи и грудь, а также почувствовала щекой гладкую кожу его живота.

– Я схожу за помощью, ладно?

Он переложил мою голову обратно на пол, продолжая прижимать футболку к ране. Я старалась игнорировать кровавое пятно, расцветающее на ткани.

– Нет! Стой! Где Сакетт?

Я попыталась сесть, но Моисей осторожно уложил меня обратно и растерянно посмотрел на дверь, будто не знал, что делать.

– Он... убежал.

Тогда я вспомнила, что Сакетт не был привязан. Раньше в этом никогда не появлялось необходимости. Даже сложно представить, что ему стукнуло в голову, чтобы он встал на дыбы и галопом помчал из конюшни. Мой взгляд вновь сосредоточился на Моисее.

– Ну что, все плохо? – Я пыталась говорить, как Клинт

Иствуд – кто-то, кто может получить жуткую травму головы и сохранить хладнокровие. Однако мой голос все равно предательски задрожал.

Моисей сглотнул, пытаясь не выдать свою жалость, его кадык забавно подскочил под смуглой кожей. У него тоже дрожали руки. Ситуация расстроила его не меньше меня – это было видно невооруженным глазом.

– Не знаю. Рана вроде и небольшая, но сильно кровоточит.

– А животные и вправду тебя не любят, да? – прошептала я.

Он не стал делать вид, что не понимает, о чем я, и помотал головой.

– Я заставляю их нервничать. Не только Сакетта – всех зверей.

Он и *меня* заставлял нервничать. Но в хорошем, чарующем смысле. Несмотря на то, что у меня дико пульсировала голова и кровь затекала в глаза, я хотела, чтобы Моисей остался. Чтобы он выдал мне все свои тайны.

Словно почувствовав изменение в моем настроении и сочтя его нежелательным, Моисей тут же подскочил и сбежал, оставив меня с окровавленной футболкой и неутолимым любопытством к новенькому в нашем городке. Довольно скоро он вернулся с моей мамой и его прабабушкой, семенящей позади. На их лицах читалось неприкрытое беспокойство, и тут я задумалась, не преуменьшила ли я серьезность своей травмы. Неожиданно разыграло мое женское тщеславие, че-

го я раньше за собой не замечала: а вдруг на лбу останется уродливый шрам? Еще неделю назад я бы даже сочла это крутым, но не теперь. Мне хотелось оставаться красивой в глазах Моисея.

Он стоял поодаль и не вмешивался, пока взрослые ахали и охали надо мной. Когда они пришли к умозаключению, что я, вероятно, выживу и без затратной поездки на «неотложке», и обошлись несколькими пластырями, Моисей незаметно ускользнул. Иппотерапией ему не помочь, но я поклялась себе, что просочусь в его трещины и залатаю их, чего бы мне это ни стоило. Мое пустынное лето только что превратилось в тропический лес.

Глава 2. Джорджия

Где-то спустя неделю после того, как Моисей напугал моего коня и я получила по голове, мы с отцом обнаружили на нашем амбаре стенную роспись. Ночью кто-то нарисовал поразительно реалистичное отображение заката над западными холмами Левана. На фоне розоватого неба стояла лошадь с запрокинутой головой, напоминавшая Сакетта, а в седле комфортно устроился всадник. Он сидел в профиль и выглядел не более чем силуэтом, но все равно его вид показался мне знакомым. Папа долгое время мечтательно разглядывал картину. Я думала, он разозлится, что кто-то использовал наш амбар в качестве холста... по моему представлению, так поступали преступные группировки в больших городах. Но нам оставили не граффити с угловатыми или дутыми буквами, закрашенными броскими красками, нет – картина выглядела круто! За такую не грех заплатить, и приличную сумму.

– Он напоминает моего отца, – прошептал папа.

– И Сакетта, – добавила я, не в силах оторвать взгляд от рисунка.

– У дедушки Шеперда был конь по кличке Хондо, прадед Сакетта. Помнишь?

– Нет.

– Да, логично, ты была слишком маленькой. Хороший был

конь. Дедушка очень его любил, прямо как ты Сакетта.

– Ты показывал ему фотографии?

– Кому? – папа удивленно посмотрел на меня.

– Моисею. Разве это не его работа? Я слышала, как миссис Райт говорила маме, что его хотели отправить в колонию для несовершеннолетних за вандализм или за порчу имущества. Видимо, он любит рисовать. Миссис Райт сказала, что это что-то компульсивное, что бы это ни значило. Я просто подумала, что это ты его попросил разрисовать амбар.

– Гм-м, нет. Но мне нравится.

– И мне, – от души согласилась я.

– Если это все-таки он сделал, а других вариантов у меня нет, то у него настоящий талант. Однако Моисей все равно не может рисовать где и что попало. Кто его знает – может, в следующий раз ему вздумается нарисовать Элвиса на нашем гараже.

– Мама будет в восторге.

Папа посмеялся над моим саркастичным комментарием, но он не шутил. Вечером он объявил, что собирается проводить Моисея с Кэтлин Райт, и я молила взять меня с собой.

– Я хочу поговорить с Моисеем!

– Георг, я не хочу ставить его в неловкое положение. Если ты будешь стоять и слушать, как я его отчитываю, он наверняка смутится. Эта беседа не нуждается в зрителях. Я просто хочу дать ему понять, что, каким бы он ни был талантливым, он не может и дальше вытворять такие вещи.

– Я хочу, чтобы Моисей расписал стену в моей спальне. У меня есть кое-какие сбережения. Так что ты ему скажешь, что он не может рисовать где попало, а затем я дам ему место, где он сможет разгуляться. Так пойдет?

– И что ты хочешь, чтобы он нарисовал?

– Помнишь сказку, которую ты рассказывал мне в детстве? О слепце, который каждую ночь превращался в лошадь, а на рассвете снова становился человеком?

– Да, эту историю еще рассказывал мне мой отец.

– Я частенько о ней вспоминаю и хочу, чтобы Моисей изобразил ее на моей стене. Или, по крайней мере, белого коня, убегающего в облака.

– Сперва спроси разрешения у мамы. Если она не против, то и я за.

Я тяжело вздохнула. С мамой договориться будет сложнее.

– Это всего лишь краска, – проворчала я.

Как ни странно, мама была не против, но ее беспокоило присутствие Моисея в моей спальне.

– Он такой угрюмый, Джорджи, это даже немного пугает. Честно говоря, я не знаю, как относиться к вашей дружбе. Понимаю, с моей стороны, это не очень великодушно, но ты – моя дочь. И тебя всегда влекло к опасности, как мотылька к пламени.

– Мама, он же просто будет рисовать! Обещаю не надевать кружевное белье по такому случаю. Думаю, я в безопасности. – Я подмигнула.

Мама шлепнула меня и, посмеявшись, все же сдалась. Но, говоря откровенно, она не ошиблась, и с ее стороны было мудро меня предупредить. Моисей полностью меня очаровал, и что-то мне подсказывало, что этот интерес не скоро угаснет.

Вскоре после заката мы с папой постучали в дверь Кэтлин Райт. Моисей сидел за кухонным столом и поглощал самую большую порцию молока с хлопьями, которую я когда-либо видела, а его бабушка сидела напротив и чистила яблоко, снимая кожуру одной длинной, завивающейся красной лентой. Мне даже стало любопытно: это же сколько яблок она очистила за восемьдесят лет жизни, чтобы так отточить свое мастерство?

– Я больше никогда не буду разрисовывать ваше имущество, – искренне пообещал Моисей после того, как папа в ласковой форме объяснил ему, что делать это без разрешения – недопустимо.

Поначалу Кэтлин выглядела расстроенной, но затем папа заверил ее, что рисунок прекрасен и мы не против его оставить. Тогда она расслабилась, и, похоже, я единственная заметила, что Моисей не обещал не портить чужую собственность. Только нашу.

– Ты весьма похоже изобразил моего отца, – добавил папа, словно запоздалую мысль. – Ему бы понравилась твоя картина.

– Я пытался нарисовать вас, – ответил Моисей, избегая

его взгляда.

Почему-то я не сомневалась, что он лжет, хотя на то не было видимых причин. Казалось вполне логичным, что он использовал для вдохновения моего отца. Парень определенно не знал моего деда.

– Вообще-то, Моисей, – вмешалась я в разговор, – я бы хотела, чтобы ты нарисовал картину на стене в моей комнате. Я заплачу. Вероятно, меньше, чем ты заслуживаешь, но все же это лучше, чем ничего.

Он мельком посмотрел в мою сторону и отвернулся.

– Вряд ли я смогу.

Папа и Кэтлин ошеломленно уставились на него. Вся стена нашей конюшни служила неопровержимым доказательством, что он как раз мог.

– Мне... нужно... нужно... вдохновение, – неуверенно промямлил Моисей, скидывая руки, словно хотел отгородиться от меня. – Я не могу просто нарисовать, что попросят. Это работает несколько иначе.

– Моисей с радостью распишет тебе комнату, Джорджия, – твердо перебила Кэтлин, одаряя правнука предостерегающим взглядом. – Он зайдет завтра днем, и вы обсудите все подробности рисунка.

Моисей оттолкнул пустую пиалу и резко встал.

– Не выйдет, бабушка. – Затем повернулся к моему папе. – Обещаю, больше никаких картин на вашей собственности. И с этими словами вышел из кухни.

Наша следующая встреча произошла через две недели и при даже более скверных обстоятельствах. Для жителей округа Джуэб конноспортивный фестиваль был важнее Рождества. Он означал три дня и три ночи парадов, карнавала и, разумеется, родео. Я ежегодно считала до него дни; он всегда попадал на вторые выходные июля и был главным событием лета. В довершение всего в этом году я прошла отбор для участия в скачках вокруг бочек. Родители запретили мне отправляться в турне до совершеннолетия, но позволили принимать участие во всех состязаниях в нашем штате. Я прошла первый тур в четверг и решающий в субботу. Моя первая проба в качестве профессиональной ковбойши – и у меня все получилось!

После я решила отпраздновать победу и прогуляться по карнавалу. К сожалению, моя подруга Хэйли, живущая в Нифае, – примерно в пятнадцати минутах к северу от Левана, – приехала со своим парнем Терренсом. Он мне не очень-то нравился – Терренс постоянно злобно подшучивал и носил кепку вместо ковбойской шляпы, высоко задирая козырек на лбу.

– Ты задираешь его, чтобы казаться выше нас, девочек, – подстрекала я.

– Высокие девушки не в моем вкусе, – парировал он, ле-

гонько толкая меня локтем.

– Что ж, слава богу, что я выросла высокой!

– Да-да, я тоже очень рад.

– У нас бы все равно ничего не вышло. Все бы думали, что ты мой младший брат.

Я выкинула его дурацкую кепку в ближайший мусорный бак и похлопала Терренса по влажной от пота голове.

После этого он начал отпускать грубые комментарии в мою сторону, и, судя по виду Хэйли, она мечтала лишь о том, чтобы мы прекратили ругаться. Вскоре мне это наскучило, и я отделилась от них, сославшись на голод и необходимость найти парней повыше. В конечном итоге я направилась к парашютам и загонам неподалеку, в которых держали животных во время фестиваля.

Уже смеркалось, и вокруг не было ни души, но я хотела посмотреть поближе на быков. Я давно мечтала объездить их и не сомневалась, что у меня бы получилось. Я забралась на перекладины ограждения и перегнулась, чтобы заглянуть в стойла, отделяющие людей от зверей. Манеж по-прежнему подсвечивался, и хоть загон находился в тени, я с легкостью рассмотрела мускулистую спину быка, которого еще пару часов назад объездил Кордел Мичем. Его оценили на девяносто очков! Естественно, после такого безупречного выступления победа была за ним – колени высоко, каблуки впииваются в бока быка, спина согнута, рука поднята к небесам, словно тянется к звездам, которой он и стал. Зрители визжа-

ли от восторга. Да что уж там, я визжала от восторга! И когда бык по кличке Сатана наконец сбросил своего всадника, сигнал уже прозвучал, и Кордел одержал победу. Я улыбнулась от этого воспоминания, представляя себя на его месте.

Девушек допускали только к скачкам вокруг бочек. Я любила мчать по манежу с опущенной головой и сжатыми на гриве Сакетта кулаками, словно подхваченная потоком, который нес меня обратно к берегу. Но порой меня посещала мысль о том, каково было бы оседлать землетрясение, а не волну. Подпрыгивая вверх и вниз, из бока в бок, оседлать землетрясение.

Сатану я не интересовала, как, впрочем, и других быков, скучившихся в загоне. Я вдохнула запах свежего сена и навоза – большинство кривили от него нос, но меня он не смущал. Я еще ненадолго задержалась, наблюдая за животными, а затем спрыгнула с ограждения. Время было уже позднее, так что мне нужно было найти Хэйли и тащить свой зад домой. Меня раздражало, что родители до сих пор контролировали, когда мне возвращаться, и мою голову тут же наполнили мысли о будущем, в котором я буду отчитываться только перед собой.

Когда от теней отделился чей-то темный силуэт, я вообще не испугалась. Ни капельки. У меня никогда не было причин бояться ковбоев. Они лучшие люди в мире. Сходите на любое американское родео и сразу же поймете, что эти мужчины и женщины могут единолично спасти всю планету. Не

потому, что они самые умные, богатые или красивые – просто они хорошие. Они любят друг друга и свою страну. Любят свои семьи. Поют гимн от души. Снимают шляпы, когда поднимают флаг. Самоотверженно живут и любят. Так что нет, я не нервничала. По крайней мере, пока меня не толкнули лицом в грязь с отпечатками подошв и копыт.

На секунду я впала в ступор, и этого времени хватило, чтобы мне заломили руки за спину и связали их, как теленка на родео. Этот мужчина умел обращаться с лассо. Я выгнулась и попыталась закричать, но в итоге набрала полный рот грязи с примесью навоза. Тогда-то я наконец и поняла, что я в полном дерьме. Странно, как разум может подкидывать такие шуточки даже в подобные моменты. Но тут я почувствовала его руки на поясе моих джинсов – в том месте, куда запускать их не следует, – и уже по-настоящему взбесилась, мой шок сменился неистовой яростью. Я взбрыкнула и ударила обидчика затылком по лбу. Он выругался и ткнул меня обратно лицом в грязь. Затем прижал мои щиколотки к запястьям и затянул их лассо, прежде чем перевернуть меня. Поза была максимально неестественной – руки и ноги согнуты за спиной, весь вес приходится на голову и шею, мышцы бедер натянуты до предела. Он швырнул горстку грязи в мои обезумевшие от страха глаза, ослепляя их, и закрыл лицо руками. Нос забило землей, я не могла вдохнуть. Закашлявшись, я снова забрыкалась и попыталась укусить его за пальцы. Хуже паники была только боль от нехватки воздуха

в легких, и я всерьез подумала, что умру. Закряхтев, мужчина закинул меня на плечо и повернулся, будто собрался бежать. Но тут неподалеку хлопнула дверь, кто-то позвал меня по имени, и он неуверенно замер.

А затем просто скинул меня на землю и исчез. Мне показалось, что я услышала его ругань, как хлюпали ботинки в грязи, пока он убегал. Голос был мне незнаком. С того момента, как он вышел и вновь скрылся в тени, прошло не больше минуты. Несомненно, очередной рекорд на родео.

Лассо вокруг моих запястий и щиколоток не ослабло при падении, и столь внезапное приземление без возможности сгруппироваться выбило из меня весь воздух. Ахнув, я закашлялась и перекатилась на бок, чтобы сплюнуть грязь. В бедро больно впилась пряжка – злоумышленник так сильно дергал меня за пояс джинсов, что он растянулся. Я не могла встать. Не могла даже вытереть глаза. Только беспомощно лежать, как связанный теленок. Я попыталась смахнуть грязь о плечо, чтобы хотя бы видеть, – вдруг он вернется? Мне нужно видеть, чтобы опознать его и защитить себя. Чтобы напасть самой. Не знаю, как долго я там пролежала – возможно, час. Возможно, десять минут. Но казалось, что прошла целая вечность.

Я могла поклясться, что кто-то звал меня по имени. Разве не поэтому мужчина сбежал? Как вдруг, легок на помине, он вернулся. В моих жилах вновь забурлил адреналин, и я начала рывками, сантиметр за сантиметром, отползать на-

зад. Набрала побольше воздуха в легкие, чтобы закричать, но только зашлась сильным кашлем – я случайно вдохнула грязь, которая по-прежнему покрывала мой язык. Мужчина остановился, словно не ожидал снова меня здесь найти.

– Джорджия?

Это не он. Голос другой.

Он пошел в мою сторону, стремительно сокращая расстояние между нами. Я зажмурилась, словно испуганное дитя, мечтающее стать невидимкой. Нет, нет, нет, нет, нет! Этот голос был уже мне знаком. Только не Моисей. Только не Моисей. Ну почему это должен быть именно Моисей?!

– Мне позвать кого-нибудь? Вызвать «скорую»?

Я почувствовала, как он присел рядом. Вытер мое лицо, будто хотел получше его рассмотреть. Затем потянул за веревку вокруг моих запястий и щиколоток, и я наконец-то смогла выпрямить ноги. К ним мгновенно хлынула кровь, в данном случае вызывая приятную боль, и из моих глаз полились слезы. Они принесли легкое облегчение, и я отчаянно заморгала, пока Моисей снимал лассо с моих рук. Когда и они оказались на свободе, я застонала от их свинцовой тяжести и обжигающей боли в плечах.

– Кто это сделал? Кто тебя связал?

Я смотрела куда угодно, только не на него. Боковым зрением я заметила, что на нем черная футболка, заправленная в брюки карго, и армейские ботинки, которые не надел бы ни один ковбой с чувством собственного достоинства. Мой

обидчик был одет так же, как и большинство на западе: в традиционный ковбойский наряд. Я чувствовала спиной кнопки его рубашки. Мое тело забилося мелкой дрожью, и я поняла, что меня вот-вот стошнит.

– Со мной все нормально, – соврала я, но мое дыхание предательски сбилось.

Мне отчаянно хотелось, чтобы Моисей отвернулся и не видел моего позора. В произошедшем не было ничего нормального. Совсем ничего. Я вытерла щеки и мельком подняла на него взгляд, чтобы проверить, поверил ли он моим словам, а затем сразу же отвернулась.

Он спросил, могу ли я встать, и протянул руки, чтобы поднять меня. С его помощью мне это удалось, и я закачалась на подкашивающихся ногах, как новорожденный жеребенок.

– Можешь идти, я в порядке, – вновь в отчаянии соврала я. Но он не ушел.

Развернувшись, я неуклюже отошла на пару шагов, вцепилась в ограду, и тут меня все-таки стошнило. Грязью, навозом, бургером с родео, и все это в подливке из пепси. Мои колени подкосились, все тело содрогалось, пока опустошался желудок, но Моисей все равно не ушел. Фыркание и топот быков по другую сторону деревянных перил напомнили мне, где я нахожусь: в компании Сатаны и его прихвостней. В эту секунду было нетрудно поверить, что я действительно провалилась в кроличью нору и попала прямоком в ад.

– Ты вся в грязи, и у тебя расстегнут ремень, – сухо, чуть

ли не осуждающе подметил Моисей.

Я поняла по его голосу, что он ни капельки мне не поверил. Вот так сюрприз! Продолжая стоять к нему спиной, я задеревеневшими пальцами застегнула блестящую пряжку и продела конец ремня через петлю джинсов, предпочитая игнорировать тот факт, что пуговица и ширинка тоже расстегнуты. Возможно, он не заметил – моя рубашка выбилась из штанов и теперь прикрывала талию. Я уж точно не собиралась привлекать к этому его внимание, а ремень не даст джинсам упасть. Я вздрогнула от отвращения.

– Кто-то связал тебя.

– Думаю, просто это был чей-то глупый розыгрыш, – с запинками ответила я, продолжая откашливаться из-за раздражения в горле. – Наверное, Терренса. Он весь вечер на меня злился. Возможно, он думал, что я посмеюсь или закричу и не стану сопротивляться. Мы с ним серьезно схлестнулись. Не знаю, может, он не рассчитывал меня напугать, а просто хотел связать, чтобы позже они нашли меня в этой позорной позе и посмеялись... Но я в полном порядке.

Вряд ли даже я верила своим словам, но мне очень хотелось.

Забавно, что именно Моисей меня освободил. Какая ирония. Меня обидел ковбой, а рыцарем в доспехах оказался местный смутьян. Мама считала, что это от Моисея стоит ждать беды. Предостерегала меня о нем. А он взял и спас меня.

– Все нормально, – настаивала я.

Затем выпрямилась, по-прежнему вытирая глаза и подрагивающие губы. Мне было стыдно, что Моисей стал свидетелем этого унижения, страшно от того, что могло произойти. Что чуть не произошло. Но больше всего меня оскорблял тот факт, что это вообще случилось. Если это действительно была неудачная шутка, то она зашла слишком далеко. Поскольку теперь Джорджия Шеперд была напугана. А мы со страхом не очень-то ладим. Мне хотелось домой. Я не знала, где Хэйли, и не хотела ее искать – особенно если она тоже была замешана во всем этом.

– Моисей, можешь отвезти меня домой? Пожалуйста? – Мой голос звучал как-то странно, по-детски, и я скривилась от стыда.

– Кто-то должен за это заплатить.

– Что?

– Кто-то должен за это заплатить, Джорджия.

Было странно слышать свое имя из его уст – он произносил его так, будто знал меня. А это неправда. И внезапно я поняла, что сама себя едва знаю. Тот же город, та же улица. Тот же мир. Но все изменилось. Я – так точно. Возможно, дело в шоке? Ничего же толком не произошло, я в порядке. Буду, по крайней мере. Главное – добраться домой.

– Говорю тебе, я в порядке. Мне просто нужно домой. Пожалуйста! – Я уже не столько просила, сколько умоляла. И по моим щекам снова потекли слезы.

Моисей чуть ли не с отчаянием оглянулся, будто хотел позвать на помощь, получить какой-то совет о том, как вести себя в данной ситуации. Как вести себя со *мною*. Отвезти меня домой было самым простым решением, но, очевидно, он считал, что этого недостаточно.

– Пожалуйста! – поторопила я.

Затем вытерла лицо рукавом рубашки, купленной специально для этого вечера, и на ней остались мокрые пятна от слез и грязь. Я всегда покупала новые наряды на фестиваль. Новые джинсы, новые рубашки, порой даже новые ботинки. Новые шмотки по случаю такого грандиозного события.

Вдали, над рядами темных построек, которые отделяли загон и манеж от ярмарки, кружило колесо обозрения. Легкое дуновение ветерка взъерошило мои волосы, прилипшие к мокрым щекам, и принесло запах карнавала – сахарной ваты и попкорна. Но затем он смешался со смрадом рвоты и навоза и потерял свою привлекательность.

Я слегка покачнулась, начиная постепенно отходить от шока и осознавать ужас последних нескольких минут. Он все укоренялся, укоренялся, укоренялся. Мне хотелось поскорее вернуться домой.

Должно быть, Моисей чувствовал, что я медленно падаю в бездну, и, не произнося ни слова, ласково взял меня за руку, выражая свою поддержку. В этот момент я любила его больше, чем когда-либо. Куда сильнее, чем предполагали наши короткие встречи. Смутян, правонарушитель, дитя лом-

ки... И отныне – мой герой.

Моисей медленно повел меня к машине, позволив опереться на него. Дойдя до джипа, я тупо уставилась на него – до джипа, который я видела день ото дня с тех пор, как Моисей переехал в Леван шесть недель назад. Я завидовала его тачке – у меня-то был лишь старенький фермерский грузовик, который разгонялся максимум до сорока километров в час. Но сейчас я испытала не зависть, а только благодарность, причем настолько, что готова была упасть на колени и расцеловать машину. Моисей осторожно посадил меня на пассажирское место и пристегнул. Ремни напомнили мне сбрую, и я почувствовала себя в относительной безопасности, даже несмотря на тот смущающий факт, что у джипа не было ни крыши, ни дверей.

– Моисей, джипы, ремни безопасности, дом, Моисей, – перечислила я, даже не осознавая, что делаю это вслух и дважды назвала его имя. Сегодня он это заслужил.

– Что? – Моисей обеспокоенно приподнял мое лицо за подбородок.

– Да так, ничего. Старая привычка. Когда я... испытываю стресс, то перечисляю все, за что я благодарна жизни.

Он ничего не ответил, но продолжал смотреть на меня все то время, что садился в машину и заводил двигатель. Я чувствовала его взгляд, пока он ехал по гравию, пока объезжал загон и фургоны с лошадьми, пока пересекал парковку и выезжал на трассу.

В наши лица с ревом ударил ветер, спутывая мои волосы и вжимая в кресло, и мы помчали по дороге, оставляя позади фестиваль, мерцающее колесо обозрения и крики счастья, которые всю мою жизнь давали мне ложное чувство безопасности. Однажды эти звуки манили меня. А теперь я сомневалась, что когда-либо смогу к ним вернуться.

Глава 3. Моисей

Я пришел на родео ради Джорджии. Не потому, что у меня было какое-то предчувствие, что я ей понадобится, и даже не из надежды, что она захочет меня видеть. И определенно не потому, что я ожидал найти ее связанной, покрытой грязью и плачущей, поскольку кто-то пытался причинить ей вред или напугать. Или изнасиловать. Она настаивала, что это, вероятно, был чей-то розыгрыш. Интересно, что за друзья выкидывают подобные шутки? С другой стороны, мне-то откуда знать – у меня никогда не было друзей.

Днем бабушка подарила мне второй билет на фестиваль и поставила в известность, что Джорджия «участвует в состязаниях с бочками, и ты просто обязан это увидеть». Я тут же представил, как Джорджия балансирует на катящейся бочке и отчаянно перебирает ногами, чтобы не упасть и прийти к финишной черте раньше соперников.

Разумеется, прежде я никогда не бывал на родео и понятия не имел, как далеко могут зайти белые в своем безумстве. Учитывая, что меня бросила белая мать, подсевшая на наркотики, мне стоило догадаться.

Но, как ни странно, было весело. В фестивале чувствовалась какая-то целостность – куча семей, повсюду развеваются американские флажки, а от музыки и самому хочется нацепить ковбойскую шляпу, и неважно, как по-дурацки я в

ней выгляжу. Я съел целых шесть бургеров – пища богов, ничего лучше я, наверное, и не пробовал. Бабушка вопила так, словно выиграла в лотерею, топала ногами и в принципе вела себя как восемнадцатилетняя, а не восьмидесятилетняя, и это зрелище принесло мне истинное удовольствие. Скачки, ловля на лассо, ковбои, которых мотало из стороны в сторону, как тряпичных кукол, на брыкающихся лошадях и разъяренных быках, и девушки, держащиеся верхом так, будто родились в седле. Собственно, я не сомневался, что в случае Джорджии именно так и произошло. Я частенько исподтишка наблюдал, как она катается.

С того случая в амбаре я изо всех сил избегал нашей встречи. Просто не знал, как с ней быть. Для меня она была «темной лошадкой», так сказать. Типичной провинциалкой, страдающей от просторечия и простодушия, а также с манерой говорить прямо в лоб, которая меня одновременно заводила и отталкивала. Мне хотелось сбежать от нее. И в то же время я не мог перестать о ней думать.

Я наблюдал, как Джорджия вылетела на манеж в клубах пыли на своем белом коне, ее волосы развевались позади, губы расплылись в широчайшей улыбке, пока она объезжала расставленные треугольником бочки. Было видно, что она наслаждалась своим коротким рандеву со смертью. Лошади для нее были так же важны, как для меня картины, и глядя на то, как она парит, мне отчаянно хотелось ее нарисовать. Запечатлеть этот полный жизни и движения миг, олицетворяв-

ший свободу. Обычно я брался за кисть, когда образов в моей голове становилось слишком много, и затем они изливались яростным, сердитым потоком. Я редко рисовал просто в свое удовольствие, изображая то, что приглянулось глазу. Но по какой-то причине Джорджия, скачущая по пыльному манежу под крики ликующей толпы, очень мне приглянулась.

Я ушел еще до конца состязаний. Бабушка заверила меня, что вернется домой со Стивенсонами и мне нет необходимости ее ждать. Я бесцельно ездил по округе, не желая толкаться среди людей на ярмарке, кататься на колесе обозрения или наблюдать за тем, как Джорджия празднует победу с друзьями. В наличии у нее друзей я не сомневался, как и в том, что у меня с ними нет ничего общего.

Я все ехал и ехал, как вдруг меня охватило дурное предчувствие. Оно поднялось по моим венам к ушам и шее и пульсировало жаром. Я сделал радио погромче в надежде, что это поможет отвлечься от видений. Не сработало. Уже через пару секунд я увидел мужчину на обочине. Он просто стоял и смотрел на меня. Любой другой бы его не заметил – на улице уже стемнело, проселочная дорога освещалась только луной и фарами моего джипа. Однако он весь светился, словно окутанный лунным сиянием.

Я почти сразу его узнал, и мою голову затопили образы. Все они были связаны с Джорджией: Джорджия на лошади, Джорджия перепрыгивает через ограду, Джорджия падает на землю в конюшне, когда я напугал Сакетта. Видение по-

стоянно повторялось – Джорджия падает, Джорджия падает, Джорджия падает. Меня это не испугало; я видел ее падение, оно в прошлом. С ней все прекрасно. Но затем я задумался: а вдруг это не так? Возможно, этот мужчина на обочине – мужчина, которого я видел в амбаре Джорджии, когда Сакетт встал на дыбы и лягнул ее, которого я нарисовал на стене того же амбара, потому что он отказывался исчезать – пытался что-то мне сказать. Не о своей жизни, а о Джорджии.

Я развернул джип и поехал обратно на карнавал. Вместо того чтобы припарковаться на стоянке, я объезжал пристройки и конные фургоны, хотя понятия не имел, куда ехать. Мне показалось, что я вновь увидел призрачного мужчину, – или это какой-то ковбой просто решил покурить и щелкнул зажигалкой? Я остановил машину, вышел и позвал Джорджию по имени. Чувствовал себя глупее некуда, но все равно медлил, не желая присоединиться к толпе под пестрыми карнавальными огоньками. Мне было куда комфортней наблюдать из темноты.

Кто-то налетел на меня сзади, из-за чего я пошатнулся, и скрылся в ночи, даже не извинившись и не дожидаясь, пока я восстановлю равновесие. Какой-то пьяный ковбой, наверное. После этого наступила тишина, прерываемая лишь топотом и фырканием животных в загоне. Я предпочел держаться от них подальше, чтобы не организовать собственное родео.

Я обошел карнавал по периметру в надежде найти Джор-

джию, не продвигаясь к центру ярмарки. А затем снова увидел того мужчину – ее дедушку. Он стоял у темного входа на манеж, но не звал меня – впрочем, как и все они. Обычно со мной общались посредством видений, но не на сей раз. Он просто стоял в перламутровом лунном сиянии. Я пошел в его сторону и в конечном итоге оказался на том же месте, с которого начал. При моем приближении он исчез, но боковым зрением я увидел какую-то вспышку слева, исчезающую за парашютами, – под трибунами, неподалеку от загона. Так я и нашел Джорджию.

Джорджия

Мне пришлось рассказать родителям о случившемся на фестивале. Еще я поделилась с ними предположением, что это Терренс меня связал. Моисей прошел со мной в дом и нервно мялся у двери, потупив глаза в пол, чтобы не встретиться ни с кем взглядом. Родители настаивали, чтобы он сел, но он все отказывался, и в конце концов парня оставили в покое и игнорировали его так же старательно, как он их.

Вечер плавно перетек в ночь; родители переволновались, задавали бесконечные вопросы и даже позвонили шерифу, который, к счастью, жил на окраине Левана, а не в другой части округа.

Они также позвонили прабабушке Моисея и предупредили, что он задержится у нас, чтобы дать показания. Закончи-

лось это тем, что она явилась к нам: ворвалась через заднюю дверь, будто на дворе было не два часа ночи, а десять утра. Кэтлин похлопала внука по щеке, мимолетно сжав ему руку, а затем быстро заключила меня в крепкие объятия. Ее макушка едва доставала мне до плеч, седые кудряшки щекотали подбородок, но я сразу же почувствовала себя в безопасности, тепле и уюте. Она села за стол, а я воспользовалась случаем и пошла в душ, чтобы смыть грязь с кожи и волос, пока мы ждали прибытия шерифа. Все тело ныло и было покрыто синяками, на запястьях остались отметины от веревки, щеку рассекала длинная царапина. Затылок ужасно болел, и даже губы саднило от ударов лицом о землю. Но больше всего меня мучило тошнотворное ощущение в животе, будто я чудом избежала чего-то поистине кошмарного.

Переодевшись в пижаму в горошек и обмотав голову полотенцем, я вернулась на кухню и обнаружила за столом шерифа Доусона. Перед ним уже стояла бутылочка пепси и лежал кусочек пирога – независимо от обстоятельств, мама всегда оставалась гостеприимной. Шериф Доусон был высокого роста и спортивного телосложения, которое лишь подчеркивала бежевая форма. Его светлые волосы были аккуратно зачесаны и разделены пробором, голубые глаза ярко выделялись на фоне загорелой кожи, говорившей о том, что большую часть своего времени он предпочитал проводить под открытым небом. Ему было около сорока, и он уже дважды побеждал на выборах шерифа. Народ любил его, а он

любил лошадей. Для жителей нашего округа это расценивалось как довольно неплохая характеристика. Что-то мне подсказывало, что он не скоро покинет должность. Они с папой как раз обсуждали объездку Лакки, когда я заняла стул рядом с миссис Райт. Моисей сидел напротив шерифа, и тот сразу же принялся осыпать его вопросами. Моисей вел себя настороженно и постоянно поглядывал на дверь, словно ему не терпелось улизнуть. Я чуть не улыбнулась, вспомнив о подобном его поведении в воскресной школе. Допрос вышел недолгим; Моисей, верный себе, отвечал максимально кратко.

Он пошел на родео вместе с бабушкой (Кэтлин услужливо закивала). Хотел посмотреть на мое выступление (миссис Райт снова кивнула).

Правда? От этой мысли я вся сжалась и ощутила, как внутри разливается приятное тепло. Моисей тихо продолжил свой рассказ, почти не вдаваясь в подробности.

Он припарковался неподалеку от загона и стоял рядом с джипом, раздумывая, сходить ли ему на карнавал за еще парой корн-догов и карамельным яблоком или вернуться домой, как вдруг кто-то налетел на него сзади. Моисей предположил, что это был ковбой. Такое себе уточнение, подумала я, но мне тоже было нечего добавить к его описанию. Ему послышался чей-то крик, а затем он нашел меня, развязал и привез домой. Конец истории.

Видимо, шериф Доусон не хотел уезжать с пустыми рука-

ми, и Моисей, пристально глядя ему в глаза, принялся отвечать на все те же вопросы. Шериф спросил, почему он припарковался у загонов, а не на стоянке.

Моисей ответил, что не хотел идти пешком.

Шериф поинтересовался, почему он не может дать более точное описание мужчины, который набежал на него.

Моисей ответил, что стоял к нему спиной и было темно.

Мистер Доусон выглядел встревоженным и явно испытывал какие-то подозрения, но не я. Моисей не связывал меня, а освободил. И это единственное, что имеет значение.

Затем наступил мой черед. Я тоже пересказала свою версию событий, немногочисленные зрители ловили каждое мое слово. Я поведала шерифу о своем предположении, что это Терренс Андерсон провернул надо мной злую шутку, хоть и чувствовала себя при этом крайне неудобно, поскольку Доусон по совместительству был дядей Терренса. Стоит отдать ему должное, он и глазом не моргнул и не стал вступать в спор – только пообещал, что поговорит с племянником. Шериф записал мою историю и даже сделал несколько фотографий ссадин на запястьях и царапин на лице.

– А это что? Мне это документировать? – Шериф показал на отметину на моем лбу, которая осталась от копыта Сакетта. За три недели рана почти зажила, но из-за трения о землю кожа содралась, и шрам вновь покраснел.

– Это Сакетт погорячился, – я пожала плечами, не желая вдаваться в подробности. Шериф знал моего коня.

Он слегка улыбнулся и показал на шишку на своем лбу.

– Вот и у меня с Тонгой то же самое. Чертова лошадь хорошенько по мне приложилась. С животными никогда нельзя терять бдительность. Только подумаешь, что знаешь их, как они тут же выкинут какой-нибудь фортель.

– Да, с людьми точно так же, – не задумываясь, ответила я.

А ведь и правда. Сегодняшний случай был показательным. От страха во рту появился неприятный привкус, и я задумалась, как же мне заснуть сегодня после такого... или когда-либо. Шериф кивнул в знак сочувствия и собрался было уходить, но в последний момент похлопал меня по плечу.

– Мне жаль, Джорджия. Правда. Независимо от того, были это розыгрыш или что-то куда страшнее, я очень рад, что ты цела. Мы поговорим с Терренсом Андерсоном и Хэйли Блевинс и узнаем, как они могут прокомментировать произошедшее. У нас есть твои показания и фотографии. И, конечно же, показания мистера Райта.

Шериф нервно покосился на Моисея, и я еле сдержалась, чтобы не закатить глаза. Все боялись Моисея. Уверена, не будь я так непреклонна, что это не он меня связал, прежде чем спасти, он бы стал главным подозреваемым. Что поделать – было что-то в его виде, что кричало «злодей».

Шериф направился к выходу с кухни.

– Слава богу, что это последняя ночь фестиваля. Люди слишком разбуянились. Надеюсь, завтра город немного успокоится, и мы выясним, что произошло. Я буду на связи.

Шериф вышел в утренние сумерки, а мы погрузились в собственные мысли и слепо пялились в стол. Все так устали, что не хотели расходиться.

— Что ж, — вздохнула Кэтлин Райт. — Доусон славный мальчик. — Ему было почти сорок, но, видимо, для восьмидесятилетней женщины это вообще не возраст. — Моисей, они с твоей мамой когда-то были парой. Как же он ее любил! Я надеялась, что она вернется в Леван и выйдет за него. Бог тому свидетель, он очень старался и не прекращал попыток за ней ухаживать. Но, наверное, для нее уже было слишком поздно.

Миссис Райт снова погладила Моисея по щеке и встала. При упоминании матери Моисей весь напрягся, и мне стало интересно, как часто люди о ней говорили. Что-то мне подсказывало, что ему не нравилось затрагивать эту тему.

Родители тоже поднялись, но Моисей, как ни странно, посмотрел на меня. Мы единственные оставались за столом, и на минуту взрослые перестали обращать на нас внимание.

— Ты хотела, чтобы я расписал твою комнату. Ну, вот я здесь. Почему бы не воспользоваться случаем и не взглянуть на нее?

Мама тут же вмешалась:

— Уже почти три часа ночи!

Моисей поднял на нее взгляд.

— Вряд ли Джорджия сегодня уснет.

После этой фразы все притихли, а мое сердце, напротив, начало отбивать барабанную дробь. Я встала и повела его

по коридору. Никто не возражал, но я слышала, как ушла миссис Райт, а родители скрылись в спальне.

– Сейчас лето, Мауна, – пробормотал мой отец. – Все будет нормально. Мы всего в нескольких метрах от них. Успокойся.

И они действительно нас не беспокоили.

– Расскажи мне эту историю, – потребовал Моисей, когда я объяснила ему суть картины.

Его взгляд вперился в белую стену, которую я очистила две недели назад в надежде, что он согласится ее разрисовать. Вкусы у меня непривередливые, даже заурядные. Я гордилась отсутствием у себя излишеств и рядами книг на полках – все вестерны, кроме «Цветка красного папоротника», «Неприятностей с обезьянками» и целой полки романов Дина Кунца. Он мой любимый автор после Луиса Ламура.

– Ты любишь читать? – спросила я, кивая на стеллаж.

Моисей изучил мои книги.

– Да.

Ответ меня удивил. Может, дело в его репутации правонарушителя и члена банды или в его внешнем виде, но он не походил на парня, которому по душе спокойно коротать вечера за книгой.

– Какая твоя любимая книга? – В моем голосе слышалось недоверие, и Моисей прищурился.

– Мне нравится «Над пропастью во ржи», «Изгой», «1984», «О мышах и людях», «Дюна», «Звездный десант»,

«Властелин колец». Все книги Тома Клэнси и Джоан Роулинг.

Последнее он произнес очень быстро, будто стеснялся признавать, что он фанат «поттерианы». Но я была поражена.

– Ты действительно все их прочел?

Мне тоже понравились «Изгои», но все остальные книги обошли меня стороной, и я гадала, не лжет ли он.

– Как насчет Стивена Кинга и Дина Кунца? – добавила я, пытаюсь найти что-то общее между нами.

– Из Кинга: «Зеленую милю» и «Девочку, которая любила Тома Гордона». А Дин Кунц слишком много знает.

– В смысле?

Моисей покачал головой и оставил свою фразу без объяснений.

– В голове не укладывается: откуда *у тебя* выдержка, чтобы читать?

– Я могу быть усидчив, если моя голова чем-то занята. Телевизор сводит меня с ума, музыка обычно тоже. Но я люблю истории, – он встретился со мной взглядом. – И ты вроде как раз собиралась поведать мне свою.

– А, да, точно. История... Эту сказку рассказывал дедушка моему отцу в детстве, и теперь она передается из поколения в поколение. Честно говоря, я не знаю ее источник, но мне она всегда казалась реальной.

– Дедушка, говоришь. Его ведь как-то упоминал твой

отец, верно? Он еще думал, что это его я нарисовал?

– Да.

По какой-то причине на лице Моисея читалось облегчение. Я смотрела на него с пару долгих секунд, пытаюсь понять его странную реакцию.

– Продолжай, – поторопил он.

– В одном маленьком западном городке жил слепец. Родился он со зрением, но потерял его в раннем детстве из-за ужасной болезни. А наряду с ним – свободу. Он постоянно зависел от других людей: чтобы кто-то водил его по улице, чтобы кто-то готовил за него и убирал. Но хуже всего было то, что он не мог видеть лошадей на холмах вокруг дома. Однажды ночью ему приснилось, что он бежит по горам. Остановившись у прохладного ручейка, чтобы утолить жажду, он увидел в воде свое отражение. Но совсем не мужчины, а прекрасного белоснежного коня, который мог преодолеть многие мили без передышки. Когда слепец проснулся, сиделка заметила, что его руки и ступни грязные, хотя он принимал ванну, прежде чем лечь спать. Следующей ночью ему вновь приснился тот же сон, и в нем, перепрыгивая через бревно, конь зацепился ногой за ветку. Для него это было всего лишь царапиной, но утром, проснувшись, мужчина нащупал длинный порез ровно на том же месте, что и у раненого коня во сне.

Слова лились из меня потоком, словно я зачитывала молитву. Мне так часто рассказывали эту историю в детстве,

что, вероятно, я использовала те же фразы и описания, что и папа.

— Люди начали поговаривать, что видели по ночам белую лошадь, и когда молва дошла до слепца, он наконец понял, что это был не сон. Он действительно превращался в коня и беззаботно мчал по зеленым холмам, видя все, что так долго было для него недостижимо, но глазами прекрасного животного. Он не осмеливался об этом рассказывать — его бы сразу сочли безумцем. Но как бы безумно она ни звучала, это была правда. Ночь за ночью он превращался в коня и ночь за ночью галопом бежал навстречу приключениям. Но затем местные мужчины решили поймать этого прекрасного белоснежного зверя. Тщательно все спланировав, втроем им удалось загнать коня в угол. Но только они подумали, что он у них в руках, как конь перепрыгнул через ограждение и скрылся в облаках, исчезнув навсегда. На следующий день сиделка пришла к слепцу домой, чтобы приготовить завтрак, но его нигде не было. Он так и не вернулся. Никто не знал, что с ним случилось, но в глубине души сиделка всегда догадывалась, поскольку следы ног, ведущие от его дома, превращались в следы копыт в саду.

Моисей пристально смотрел на меня все то время, что я рассказывала, но по мере истории его глаза остекленели, словно он видел что-то совсем другое.

— Я могу охватить больше одной стены?

— Э-э, да, конечно.

Я быстро вскочила на ноги и начала снимать фотографии, выдергивая кнопки. Вскоре вся моя мебель оказалась сдвинута в центр комнаты, а Моисей принялся яростно делать наброски чем-то, что он назвал восковыми карандашами. Он достал их прямо из карманов, будто повсюду носил с собой.

Я восхищенно наблюдала, как Моисей погружался в мою историю. Он почти не отходил от стены, чтобы окинуть взглядом набросок, и его руки буквально парили над стеной. Моисей попеременно рисовал то правой, то левой, но вскоре зажал карандаш в каждой руке и принялся лихорадочно работать двумя одновременно. От этого зрелища у меня просто перехватило дух. Я и одной рукой писала как курица лапой, не говоря уж о моих художественных способностях. Как можно рисовать, пока вторая рука делает что-то другое – выходило за границы моего понимания. Моисей почти не разговаривал, а когда я все же нарушила его транс – близился рассвет, и мои веки постепенно смыкались, – он посмотрел на меня мутными глазами, словно вовсе забыл о моем существовании.

– Давай пока прервемся. Я хочу спать, – я зевнула. – Но мне нравится наблюдать, как ты работаешь. Ты ведь знаешь, что ты настоящий гений? Может, однажды ты прославишься на весь мир, и мою комнату превратят в музей Моисея Райта. Моисей сразу же помотал головой.

– Я не хочу останавливаться, – ответил он с мольбой в глазах. – Иначе я могу уже никогда его не закончить.

– Ладно, – не мешкая, согласилась я. – Но тебе лучше уйти до того, как проснутся родители. Можешь приходить ко мне каждый день, пока не закончишь. Только пообещай, что разрешишь мне смотреть.

Я боролась со сном так долго, как только могла, не желая упускать разворачивающуюся на моей стене магию. Но как бы ни был красив рисунок, больше всего меня очаровывал сам Моисей. И когда я больше не могла оставаться сосредоточенной и мои веки все же сомкнулись, именно он явился мне во сне – с распростертыми руками, сияющими глазами и яркими красками, струящимися из его пальцев.

Проснувшись я где-то после полудня – и то потому, что кто-то шумел за окном моей спальни.

– Что ты делаешь? – изумленно спросила я у Моисея, неуклюже вставая с кровати и сонно потирая лицо.

– Устанавливаю сетки на твои окна. Рисую я подолгу, и мне нужно проветривать комнату. Без сеток сюда сразу же налетит мошкара и начнет кусаться и прилипать к краске. А еще мы с тобой можем ею надышаться. Мой рассудок и без того достаточно хрупкий.

– Ломкий, – не задумываясь, исправила я.

– Угу, – насупился Моисей.

– Что ж, тебе это только на руку, – я окинула взглядом свои стены. – Если бы твой разум не был таким ломким, твоя гениальность не могла бы просочиться наружу. Ты же это понимаешь?

Он действительно был невероятно талантлив. Моисей еще даже не прибегнул к краске, но с помощью карандашей и своего ломкого разума ему удалось заполнить две стены наброском слепца, который обрел зрение, и коня, оживавшего только по ночам. Рисунок уже выходил за пределы всего, что я могла себе нафантазировать.

– Ты хоть спал? – я вновь повернулась к нему, подавляя зевок.

– Не-а, но как раз собирался уходить. Я вернусь после ужина.

До ужина оставалось слишком много времени, и мне нужно было как-то его скоротать. Я покормила куриц, подстригла газон, посидела с двумя приемными детьми, которых мама пригласила к нам на несколько дней, а затем удалилась в конюшню. Лошади радостно меня поприветствовали, и мне стало стыдно, что я заставила их так долго ждать. На лужайке хватало травы, и воды у них было в достатке, так что они не голодали, но я редко пропускала наши утренние свидания. Я загладила свою вину, проведя с ними остаток этого бесконечного дня, и попутно пыталась очаровать Лакки.

У него была черная шерстка и даже более темная грива. В жизни не видела более красивого коня. Но он, по всей видимости, догадывался о своей красоте и любил покапризничать. Лакки не позволял ни прикасаться к себе, ни седлать его и не подчинялся дрессировке. Он хотел лишь одного: чтобы я оставила его в покое. Один папин клиент не смог

оплатить услуги ветеринара, и они заключили сделку – не самую удачную, если учесть, что папе нужны были лошади, которых они с мамой могли бы натренировать для терапии с детьми. Но ему понравилась родословная Лакки, и он надеялся хотя бы заработать на случке.

Лакки напоминал мне Моисея – сильный, с безупречным телосложением и бугрящимися мышцами под гладкой кожей. Точно такое же высокомерное поведение и привычка меня игнорировать. Но затем Лакки смотрел на меня, и я понимала, что он ведет себя так намеренно. Он ни на секунду не забывал о моем присутствии – просто хотел, чтобы я добилась его расположения. Считайте меня чокнутой, но, по моему мнению, приручение парня сродни приручению лошади.

Тем вечером вернулся Моисей. И следующим тоже. И следующим. Я с восхищением наблюдала, как он закрашивал контуры красками и добавлял мечтательную дымку истории, из-за чего казалось, будто я попала в голову слепца и впервые видела мир его глазами.

Моисей не ограничился стенами. На третью ночь история продолжила развиваться на моем потолке, и он на скорую руку соорудил подмости, будто расписывал не мою маленькую спальню, а Сикстинскую капеллу. Признаюсь, я не слышала о Сикстинской капелле, пока Моисей не рассказал мне о Микеланджело, мастера себе платформу, чтобы лежать на ней в процессе создания своего шедевра. Он мечтал одна-

жды увидеть ее живьем и объездить весь мир, чтобы посмотреть на все великие произведения искусства. Я сидела тише воды и подавала голос лишь из опасений, что он потеряет запал и перестанет говорить. Мне хотелось узнать о нем все, раскрыть его внутренний мир. И мало-помалу, особенно в процессе рисования, он немного приоткрывал завесу и позволял мне заглянуть внутрь. Я ценила эти моменты, как ребенок, коллекционирующий хрупкие ракушки и разноцветные камешки. А когда Моисей уходил, я мысленно доставала эти сокровища и изучала их со всех сторон, пытаюсь понять его.

Родители даже не знали, что и думать о моей комнате. Никто не знал. Для такого тесного пространства это было как-то чересчур. Стоя посреди спальни, с обволакивающей тебя красками сказкой, было легко потерять голову от масштаба его творения, от проработанных до мелочей деталей и глубины картины. Но я ее просто обожала. Я оставила всю мебель посередине комнаты, создавая небольшой островок, чтобы ничто не закрывало вид на стены, и повесила гирлянды по краям, чтобы, выключая настольную лампу перед сном, они освещали сон слепца своим рассеянным, теплым сиянием. Выглядело это просто волшебно.

Вручая Моисею сто долларов за его работу, я чувствовала себя просто идиоткой. Эта сумма едва могла покрыть его траты на краску и инструменты. Но больше у меня не было, и, говоря по справедливости, я понятия не имела, во что ввя-

зывалась, попросив его нарисовать картину на моей стене.

Деньги его явно порадовали – будто он забыл, что они вообще ему полагались, – и, спрятав купюру в кожаный кошелек и положив его в карман, Моисей искренне меня поблагодарил.

Глава 4. Джорджия

Папа говорит, что лошади отражают энергетику людей. Если ты напуган, лошадь будет избегать тебя. Если сомневаешься в себе, она воспользуется твоей неуверенностью. Если сам себе не доверяешь, то и она не станет. Они как детектор лжи. Это вам не ядерная физика и не вуду. Есть определенные причины, почему, потерявшись, мы даем лошади самой выбирать направление. Она всегда приведет нас домой.

От моего внимания не ускользнуло, что лошади боялись Моисея. И если папина теория верна, на самом деле страх испытывал Моисей, а они просто отражали самую сильную эмоцию. Некоторые люди опасались лошадей. Они такие массивные и сильные. И, будем честными, в противостоянии человека с лошадыю... ну, лошадь надерет вам зад.

Но я не думаю, что Моисей боялся самих лошадей. Не совсем. Он боялся чего-то в общем. Испытывал тревогу, отчаяние, депрессию – что угодно. И наши лошади это чувствовали.

– Помнишь, как Сакетт лягнул меня? – спросила я отца одним утром, пока мы готовились к сеансу иппотерапии.

– Угу.

– Он просто отзеркалил эмоции Моисея, не так ли?

Папа резко поднял взгляд – ему явно не нравилось предположение, что Моисей хотел ударить меня по голове.

– Моисей боится, пап. Мне кажется, рисование помогает ему выпустить часть этой негативной энергии. Но я тут подумала: может, если мы наладим его контакт с лошадьми, ему это тоже поможет...

– Первое правило терапии, Георг.

– Это какое?

– Можно пригнать коня на водопой...

– ...Но пить его не заставишь, – вздохнула я, заканчивая старую поговорку.

– Верно. Может, ты и права насчет Моисея, и мы наверняка сможем ему помочь, когда и если он этого захочет. Почти любому можно помочь иппотерапией: детям, супружеским парам, людям с зависимостью, депрессией. Я не знаю никого, кому не стало бы лучше от времяпрепровождения с лошадьми. Но это выбор Моисея. Ты девочка упертая, Георг, но вы с этим парнем два сапога пара.

В этом я даже не сомневалась. В смысле в том, что Моисей – моя пара. Может, тот удар в голову или короткое столкновение с насилием на фестивале навеки меня изменили. Может, дело в его образе спасителя, или же я просто влюбилась в художника, который оживил белого коня на стенах моей спальни. Но Моисей отказывался выходить у меня из головы. Я поймала себя на том, что с утра до вечера искала его взглядом. Его прабабушка обратилась за помощью ко всем знакомым, и как только Моисей закончил работу для моего отца, то начал чинить забор для Джин Пауэлл. Вероят-

но, это займет его на всю оставшуюся часть лета, учитывая, сколько у нее акров земли. В довершение всего его наняли для демонтажа старой мельницы к западу от города, которую закрыли двадцать лет назад.

Я могла придумать сотню причин, чтобы совершенно «случайно» проехаться вдоль забора, но вот старая мельница – это уже совсем другое дело. В итоге я решила, что буду разбираться с проблемами по мере их появления, но в моей голове уже зарождался план. О своей одержимости я старалась не думать, поскольку тогда пришлось бы признать, что она есть. А я не из тех девушек, которые одержимы парнями и постоянно проверяют, не смазалась ли помада, и поправляют прическу в их присутствии.

Однако именно это я и делала: распускала косичку и расчесывала пальцами волосы, подъезжая на лошади к границе территории Джин Пауэлл поздним июлем. С собой у меня был обед для Моисея. Я специально перехватила Кэтлин, когда она выходила из дома, и как бы ненароком упомянула, что мы с Сакеттом как раз направляемся в нужную ей сторону. Она игриво улыбнулась, давая понять, что ее так просто не обдурить, и я почувствовала себя глупее некуда. Может, Кэтлин Райт и восемьдесят, но она почти ничего не упускала из виду. Особенно учитывая, что я «случайно» перехватывала ее уже третий день подряд.

Заметив мое приближение, Моисей недовольно нахмурился, и я уже в энный раз задалась вопросом, чем я так ему

не угодила.

– Где Пиби? – спросил он.

– Кто это?

– Моя прабабушка. Но я зову ее сокращенно Пиби.

– Я увидела, что она идет в эту сторону, и поскольку я с Сакеттом и так сюда направлялась, то решила прихватить твой обед.

– Правильно говорить «мы с Сакеттом». И ты «увидела», что она идет в эту сторону, – он посмотрел на меня с отвращением. – А не «увидала».

Мне так не казалось, но я взяла его слова на заметку. Мне не хотелось, чтобы Моисей считал меня глупой.

– Все местные так говорят. Даже моя бабушка! Этот город сведет меня с ума, – проворчал Моисей.

Да, похоже, кто-то встал не с той ноги. Но, как по мне, пусть жалуется сколько влезет – главное, чтобы он общался со мной.

– Ладно, я поработаю над своей грамматикой. Может, тебя еще что-то во мне не устраивает? А то это явно не единственный пункт в твоём списке.

Моисей вздохнул, но вместо ответа предпочел задать собственные вопросы.

– Почему ты здесь, Джорджия? Твой отец в курсе, где ты проводишь дни?

– Чтобы доставить тебе обед, Эйнштейн. А по поводу второго вопроса – нет. С чего бы ему знать? Я не обязана отчи-

тываться перед ним каждый раз, как решаю прокатиться на лошади.

– А он знает, что ты перепрыгиваешь через заборы?

Я пожала плечами.

– Я научилась держаться в седле раньше, чем ходить. Это пустяки.

Он позволил теме закрыться, но, немного пожевав сэндвич, вновь начал придирааться ко мне.

– «Джорджи-Порджи, ну и нахалка! Всех мальчишек перецеловала»². Что это вообще за имя – Джорджия?

– Мою прапрабабушку звали Джорджия. Первая Джорджия Шеперд. А папа зовет меня Георг.

– Да, я слышал. Звучит отвратительно.

От злости к моим щекам прилила кровь, и мне искренне захотелось плюнуть ему в лицо, глядя с высоты своего коня на его аккуратно подстриженную, идеальной формы голову. Моисей поднял на меня взгляд и слегка ухмыльнулся, что привело меня в полное бешенство.

– Не смотри так на меня. Я не пытался тебя обидеть. Но Георг ужасное имя для девочки. Черт, да оно для любого ужасное, за исключением разве что короля Англии.

– А мне кажется, что оно мне подходит, – надулась я.

– Ой, да неужели? Георг – это имя для старомодного мужчины с британским акцентом или для мужчины в белом на-

---

² Искажённая версия популярного английского детского стишка про Джорджи-Порджи.

пудренном парике. Я бы на твоём месте надеялся, что оно мне не подходит.

– Ну, мне ни к чему кокетливое имя, не так ли? Я никогда не была сексуальной.

Я пришпорила Сакетта и резко натянула поводья, желая поскорее убраться отсюда. Клянусь, больше никаких обедов для Моисея! Он придурок, и мое терпение подошло к концу.

Но, отъехав чуть подальше, мне показалось, я услышала его бормотание вслед:

– Просто продолжай убеждать себя в этом, Джорджи-Порджи. Как и я.

На следующий день я снова привезла ему обед.

Моисей

– Знаешь, а ведь ты ей нравишься, – игриво улыбнулась мне Пиби.

Я просто хмыкнул в ответ.

– Ты нравишься Джорджии, Моисей. И она чудесная девочка – милая, симпатичная! Почему бы тебе не уделить ей немного внимания? Это все, чего она хочет. – Пиби подмигнула, и по моей груди и животу начал распространяться жар, хотя я всегда гордился своей способностью его контролировать.

Может, сейчас Джорджия и хочет только внимания, но долго это не продлится. Если я проявлю к ней интерес, она

захочет проводить больше времени вместе. А затем захочет, чтобы я стал ее парнем. И в таком случае она захочет, чтобы я был нормальным – как она. А нормальный – это настолько не про меня, что я даже не представляю, как им стать.

И все же...

Я подумал о том, как она уснула, пока я расписывал потолок ее комнаты. Я посмотрел через щель между подмостков и увидел ее прямо под собой – свернувшуюся калачиком вокруг подушки, которую стащила с кровати. Казалось, будто я парил в двух метрах над ней. Ее волосы цвета пшеницы, которая росла в полях вокруг нашего городка, рассыпались вокруг плеч. Но они не были жесткими и не торчали во все стороны. Нет, они были густыми, шелковистыми и вились из-за косички, которую она носила весь день. Джорджия была высокой – не настолько высокой, как я, – и стройной, с карамельной кожей и темно-кариими глазами, которые резко контрастировали с русыми волосами. Моя полная противоположность. У меня были светлые глаза и темные волосы. Может, если нас скрестить, все физические различия сгладятся. Мой живот сжался. Никто бы о таком и не подумал. И уж тем более со мной.

Временно позабыв о картине, я просто наблюдал, как она спит. Мужчина в углу комнаты – он мысленно визуализировал мне историю Джорджии, и мои руки быстро воплощали в жизнь образы из головы – исчез. Я гадал, удастся ли мне призвать его обратно. Картина еще не была готова.

Но я этого не сделал. Вместо этого я очень долгое время смотрел на Джорджию – на девушку, которая обосновалась в моем разуме так же бесцеремонно, как призраки. В кои веки в моей голове витали собственные образы и идеи для картин. Я впервые заснул с умиротворением на душе и Джорджией рядом.

Джорджия

До того, как Лакки оказался у нас, его вообще никто не пытался укротить. У папы не было времени его дрессировать, а вот у меня его было навалом. К тому же все говорили, что я в этом деле мастак. Так что я проводила с Лакки несколько часов каждое утро, чтобы он привык ко мне, собственноручно кормила его и делала все возможное, чтобы он изо дня в день видел только меня. Он отбегал при моем приближении, нервно топтался, когда я преграждала ему желанный путь, и всем своим видом показывал, что мое присутствие ему досаждают. Только спустя целый месяц он наконец позволил мне закинуть лассо ему на шею и выгулять его на лужайке. Еще через две недели он позволил надеть на него уздечку и поворачивал голову в ту сторону, в которую мне надо.

– Вот так, хороший мальчик. Ты наконец-то начал слушаться, да? – я улыбнулась, пытаясь не выдать свою радость. Лошадей нужно тренировать при помощи физических на-

грузок. Не бить их, нет. Нагружать. Лошадь не хочет забираться в фургон? Не стоит заталкивать ее. Пусть наматывает круги вокруг фургона, пока не выбьется из сил. Затем снова попытайтесь поднять ее по рампе. Не хочет? Пускай еще побегаёт. В конце концов она поймет, что, если залезть в фургон, ей дадут отдохнуть. И каждый раз будет подниматься по рампе с энтузиазмом.

Я начала терять терпение. Папа всегда говорил: работая с людьми или животными, главное – не терять терпение, это большая ошибка. Но меня немного занесло. Лакки позволил управлять его головой, а я хотела управлять им целиком. Я сжала его гриву в кулаках и подтянулась, задевая животом его бок. Он замер, слегка подрагивая, и я почувствовала эту вибрацию в своем животе. Меня охватило предвкушение, затуманившее здравый смысл.

– Мы же друзья, Лакки, верно? – прошептала я. – Давай немного пробежимся. Так, совсем чуть-чуть.

Он не отстранился, и я приняла это за знак согласия. А затем одним быстрым движением перекинула ногу и забралась на него. Как только мой зад приземлился на его спину, мы сорвались с места, и мой желудок скрутило от чудовищного понимания, что он не готов. Но было слишком поздно. Я уже сидела на нем, и деваться было некуда. Лучше бы он просто решил меня сбросить – я умела группироваться при падении. Вместо этого он помчался галопом по полю, и я насмерть вцепилась в его гриву. Мы перепрыгнули через за-

бор, отделяющий наш участок от Джин Пауэлл, и я изо всех сил попыталась слиться с ним в одно целое, но очень трудно держаться на лошади без седла. Они гладкие, скользкие и могучие, и мои бедра дрожали от прилагаемых усилий. Мне удалось преодолеть еще один забор и остаться верхом, но я боялась, что Лакки может себе навредить. Если лошадь сломает ногу, то поездка в больницу и гипс с костылями не помогут. Для нее все будет кончено. За себя я не волновалась, только корила за ошибку в своих суждениях – я перегнула палку и не знала, как теперь все исправить.

Перепрыгнув через очередной забор, Лакки приземлился с такой отдачей, что я начала соскальзывать. Ругаясь самыми грязными словами из своего арсенала, я что есть силы дернула его за гриву и попыталась вернуться на место. Но мое падение было не остановить, и я сильно ударилась плечом и бедром о землю. Перекатившись, я уставилась на небо – слишком голубое, как для загробного мира.

Не будь я так занята попытками сделать вдох и пошевелить своими конечностями, я бы непременно заметила, куда Лакки меня привез. Но осознание пришло лишь тогда, когда Моисей присел рядом и всмотрелся мне в лицо.

Он не интересовался, цела ли я. Да вообще ничем не интересовался. Мы просто пилились друг на друга, и оба часто дышали. Мне было приятно думать, что он помчался мне на помощь, чтобы убедиться, что я не смертельно ранена.

– Вот дерьмо, – вздохнула я, пытаясь присесть.

Моисей отодвинулся и наблюдал, как я стряхиваю грязь с правого бока. Проведя рукой по плечу, я скривилась. От предплечья до локтя тянулась длинная царапина, но в остальном обошлось без травм. Завтра все тело будет чертовски болеть, но зато я ничего не сломала. Поднявшись без какой-либо помощи со стороны Моисея, я начала отряхивать себя сзади, не сводя глаз с горизонта.

– Ты видел, куда он побежал? – спросила я, осматривая поле.

– Нет, – наконец ответил Моисей. – Я был слишком занят, наблюдая за твоим падением.

– Я довольно долго продержалась, – возразила я с оскорбленными нотками в голосе. – Мы перепрыгнули через два забора!

– И это у тебя в порядке вещей?

– Что?

– Ездить без седла на коне, который явно не хочет, чтобы на нем катались?

– Он дал мне свою голову. Я думала, он готов... но ошиблась.

– Дал тебе свою голову?

– Да... забей, это профессиональный термин. Когда лошадь позволяет тебе управлять ее головой, откидывает ее и двигает в нужном тебе направлении, значит, она под контролем. Но Лакки никто не объезжал. Нужно было еще немного за ним поухаживать.

Моисей поджал губы и вскинул брови, и на секунду мне показалось, что он вот-вот рассмеется. В моем присутствии с ним это частенько случалось.

– Заткнись, – огрызнулась я.

Как я и предсказывала, он разразился смехом.

– Я молчал!

– Ты громко думал.

– И о чем же я думал?

– О чем-то грязном. У тебя это на лице написано.

– Не-е, это не грязь. Я просто черный.

– Ха-ха.

– Тебя раньше никогда не скидывали, не так ли? – Он встал рядом со мной.

– Да кучу раз, – отрезала я, отворачиваясь.

Я направилась в сторону дома, чтобы взять грузовик. Искать Лакки по округе пешком не было смысла.

– Так вот что ты пытаешься сделать? Хочешь, чтобы я дал тебе голову, как лошадь? – крикнул Моисей мне в спину.

Я резко остановилась. Моисей не слишком радовал меня своим вниманием. С тех пор, как он разрисовал мою комнату, я вилась вокруг него каждый день, неделями напролет, прямо как с Лакки. Лакки поддался. Моисей – нет.

– Ни черта мне от тебя не нужно, – солгала я.

– Поэтому ты постоянно приносишь мне обед, шпионишь за мной и останавливаешься у бабушкиного дома каждый вечер?

Я будто бы снова рухнула с небес на землю, только на сей раз у меня заболело не плечо. По моему сердцу словно потопталась лошадь.

– Не нужна мне твоя голова, Моисей. Я просто думала, что тебе не помешает друг.

– Я не дам тебе пробраться ко мне в голову, Джорджия. Поверь, ты сама этого не хочешь.

– Ладно, пусть так. В таком случае я дам тебе свою, – ответила я, быстро поворачиваясь. И куда только подевалась моя гордость? Мне стоило плюнуть ему в лицо и послать ко всем чертям. Вместо этого я кланялась ему в ноги.

– Судя по моим последним наблюдениям, в твоей голове пусто. Тебя и лягали, и сбрасывали, но могу поспорить, как только ты найдешь своего коня, то возьмешься за старое.

– Иди в задницу, Моисей.

– О, наконец-то ты предложила хоть что-то интересное.

Я ахнула, а он рассмеялся. Снова. Понятное дело, он просто пытался вывести меня из себя, чтобы я убежала в слезах. Но я ему не плакса какая-нибудь. Меня лягали и сбрасывали, а я приходила за добавкой.

Поэтому я сделала кое-что неожиданное. Я промаршировала к нему, взяла его лицо в руки и быстро поцеловала. Наверное, это был худший поцелуй за всю историю сердитых поцелуев. Просто ужасный. Раньше я никогда не целовалась. Мои губы поджались ниточкой, глаза зажмурились, ладони вцепились в его лицо, как в гриву Лакки.

Моисей слегка отстранился, обдавая меня своим теплым дыханием.

– Осторожней, Джорджия. Тебя вот-вот сбросят.

– Ах ты су...

А затем его губы снова слились с моими, прерывая мою гневную речь, и я сразу же забыла, какой он придурок. Моисей не был торопливым, напористым или грубым – в отличие от меня. Он никуда не спешил и учил меня наслаждаться моментом. Одной рукой он придерживал мою голову, а другой скользнул вокруг талии и остановился на поясице. Но как только я попыталась перехватить инициативу, он укусил меня за губу.

– Прекрати, – прошипел Моисей. – Позволь мне руководить.

И я позволила.

Он направлял меня по кругу, вверх и вниз, пока у меня не подкосились ноги и не закатились глаза от удовольствия. Мне пришлось опереться на него, чтобы не упасть.

Моисей тихо посмеялся, а я с трудом подняла отяжелевшие веки и вернулась в реальность.

– Кто бы мог подумать, а?

Я помотала головой, чтобы прочистить ее, и проследила за его взглядом.

По полю позади нас как ни в чем не бывало прогуливался Лакки, будто ничего страшного и не произошло.

– Видишь? Как только ты перестала гнаться за ним, он

сам к тебе пришел. Он ревнует. Думает, что ты нашла ему замену.

Мы встретились взглядами, и я отстранилась от него, пытаясь вести себя так, словно уже сотню раз целовалась с другими парнями.

Моисей посмотрел на мои губы, и я спрятала руки в карманы, чтобы побороть искушение вновь притянуть его к себе и доказать, что я тоже неплохо могу руководить.

Словно прочитав мои мысли, Моисей кивнул на Лакки.

– Ступай. Ты выучила свой урок. Он не хочет, чтобы его объезжали.

Желание снова его поцеловать как рукой сняло. Стиснув зубы и сжав кулаки, я развернулась и промаршировала к своему коню.

Лакки пристально наблюдал за моим приближением, но не отступал и не напрягался. Не позволяя себе поддаться сомнениям, я схватила его за гриву и за секунду запрыгнула ему на спину. Он немного привстал на дыбы, покрутился, потоптался на месте, но я была к этому готова и не ослабила хватку.

И тогда Лакки сдался.

Я направила его в сторону дома и, не сдержавшись, оглянулась. Моисей стоял, как громом пораженный, с выражением чистого изумления на лице. Теперь пришла моя очередь посмеяться.

Глава 5. Моисей

Я спал на втором этаже, напротив спальни Пиби. Дом был старым, без кондиционеров, и к концу дня в верхних комнатах царил духота. Бабушку это никогда не заботило – она вечно мерзла, – но я каждую ночь открывал окно, мочил футболку и включал на полную мощность маленький вентилятор в углу, чтобы случайно не утонуть во сне в луже собственного пота.

Этим летом температура в Юте была все рекорды, но первая неделя августа выдалась самой невыносимой. Уже четвертую ночь подряд я несчастно ворочался в кровати и подумывал еще раз принять душ, чтобы остыть, как вдруг кто-то позвал меня по имени.

Я сел и прислушался.

– Моисей!

Выключил вентилятор и подождал.

– Моисей!

Выглянув в окно, я увидел под ним Джорджию в шортах и майке, с полотенцем, закинутым на шею, и большой пляжной сумкой в полоску.

Она радостно помахала мне, словно ее присутствие и странный выбор наряда были вполне логичны.

– Я уже собиралась пробраться к тебе в дом, но затем подумала, что ты можешь спать голым, и не захотела тебя смущать.

щать.

Я продолжал ошарашенно пялиться на нее. Она даже не пыталась понизить голос. Я оглянулся на комнату Пиби. В коридоре было темно, и из-под ее двери не просачивался свет, но я все равно на всякий случай прижал палец к губам и помотал головой. Понятия не имею, как она узнала, какая из комнат моя.

– Я собираюсь к водонапорной башне. Присоединяйся! Сейчас слишком жарко, чтобы спать, – все так же громко произнесла Джорджия.

– Тише! – зашипел я.

Она просто улыбнулась и покачала головой.

– Чем раньше ты переоденешься в плавки и спустишься с ключами от джипа, тем быстрее я заткнусь. Мы не можем поехать на Миртл. Она разбудит всех соседей.

Я аж хрюкнул от смеха, и Джорджия ухмыльнулась. Мы оба прекрасно понимали: если кто и грозил разбудить всех соседей – или как минимум мою бабушку, – то это она.

– Ай, черт с тобой. Сейчас действительно слишком жарко, чтобы уснуть, – я вздохнул, и ее губы расплылись в широкой улыбке.

– Встретимся у крыльца, – прошептала она.

О, вот теперь, добившись своего, Джорджия решила говорить потише.

Я никогда не был у водонапорной башни, но Джорджия показала мне узкую асфальтированную дорогу к югу от го-

рода, которая извивалась через поля и пересекала железно-дорожные пути, пока не приводила к металлическому силовому с лестницей сбоку. На табличке рядом было написано, что все нарушители будут караться законом, да и проволочная ограда с замком на воротах не поощряла наши намерения, но Джорджию это не волновало.

– Я кучу раз перелезала через забор – это проще просто. Купаться в башне намного круче, чем в каньоне, куда я обычно хожу в отчаянные времена, но я не могу плавать здесь днем, иначе меня поймают и привлекут к ответственности «в полном соответствии с законом», – насмешливо процитировала она табличку. – Но прошлым летом я приходила сюда каждую неделю – всегда где-то в это же время, – и меня ни разу не поймали. Это мой личный бассейн.

Мысль, что Джорджия купалась здесь по ночам, совсем одна, без чьего-либо ведома, вызвала у меня мурашки по коже. Я помотал головой и вышел из джипа. Хорошо, что мне хватило ума надеть кроссовки, раз уж нам придется лазить по заборам. Джорджия вручила мне сумку и ловко перепрыгнула через ворота, словно и вправду делала это сотню раз. Я закинул сумку на плечо и тоже перелез без затруднений. Джорджия уверенно поднялась по лестнице, весело болтая всю дорогу.

Мы открыли маленькую дверь и, не закрывая ее, шагнули на узкий выступ, опоясывавший внутреннюю часть башни. От страха, что мы можем застрять в ней на многие дни, я

также подпер дверцу обувью и несколько раз проверил ручку.

– Она запирается снаружи, глупый. И замок сломан – как еще, по-твоему, мы бы получили башню в свое полное распоряжение?

Джорджия достала светодиодный фонарик из своей полосатой сумки, которая по-прежнему висела у меня на плече, и включила его, освещая всю водонапорную башню. Из-за игры света и плеска воды она напоминала пещеру.

– А теперь закрой дверь, чтобы никто не увидел свет.

Я тут же повиновался.

– Круто, да?

Стоило признать, это действительно было круто. Фонарик откидывал наши тени на стены, и Джорджия потанцевала перед ним, вызывая смех у нас обоих.

– Ты упадешь, – предупредил я, когда она начала повторять популярный танец из «Триллера» Майкла Джексона: с руками как у зомби и шагами вбок на носочках.

Выступ был недостаточно широким для танцев, но Джорджия, по всей видимости, считала иначе. Я стянул футболку через голову, положил ее на наши полотенца и всмотрелся в гладкую черную поверхность, ожидая дальнейших инструкций. Первым я не прыгну ни за какие коврижки.

Джорджия сняла майку и отшвырнула шорты в сторону, почти полностью оголяясь, не считая голубого бикини. Я совершенно позабыл о воде и о страшном чудище, которое на-

верняка притаилось на глубине и любило полакомиться темным мясом. Джорджия меня спасет. Я с радостью ей позволю – в таком-то купальнике. Она была стройной и подтянутой, с удивительными изгибами и округлостями во всех нужных местах. Но лучше всего было то, что ее это, казалось, абсолютно не заботило – она выглядела полностью уверенной в своем внешнем виде и не считала нужным красоваться передо мной, чтобы я высказал свое одобрение.

Джорджия потянулась за моей рукой, но я резко отпрянул – мне нужно было морально настроиться перед прыжком.

– Мы прыгнем вместе. Первый прыжок всегда самый лучший. Вода здесь просто замечательная, вот увидишь.

Она продолжила протягивать мне руку, но я не поддавался.

– Да ладно, Моисей! Я позволю тебе руководить.

Ее шелковый голосок, отражающийся от металлических стен, был заманчивее, чем у любой певицы в любом ночном клубе страны. Хочешь не хочешь, а пора было прыгать в воду, иначе я мог опозориться в своих тонких плавках. Я взял Джорджию за руку и без предупреждений нырнул, затягивая нас обоих на чернильную глубину. Вопли Джорджии поглотил поток воды, сомкнувшейся над моей головой, и я отпустил ее руку, чтобы всплыть на поверхность.

Мы начали отплевываться – я от страха, Джорджия от смеха, – но он был таким заразительным, что вскоре я при-

соединился к ней. Она брызгала в меня, трещала без умолку и дурачилась в подрагивающих тенях, что выплясывали на стенах. Как ни странно, нам было совершенно комфортно в компании друг друга, и мы плавали очень долгое время, не заботясь ни о позднем часе, ни о том, что нас могут найти.

Только облокотившись на выступ, чтобы немного передохнуть, я заметил переливающиеся блики воды на стене перед собой, из-за чего она будто сияла. Я вытянул руку и провел по ним пальцем, гадая, как бы передать это сияние краской. Джорджия пристроилась рядом и наблюдала, как я вырисовываю невидимые линии.

— Когда ты берешься за новую картину... у тебя есть для нее задумка? Или ты просто отдаешься на волю сердца? — тихо спросила она.

Хороший вопрос, даже милый, и ее доброта послужила ключиком к чему-то внутри меня, что, как правило, я предпочитал держать взаперти. И все же свой ответ я подбирал тщательно, не желая полностью ей открываться и портить этот момент горькой правдой. Но в то же время мне не хотелось врать и омрачать воспоминания об этом дне.

— Я вижу многое... чего не хотел бы видеть. Мою голову затапливают образы, о которых я предпочел бы не думать. Галлюцинации, видения... или же у меня просто слишком бурное воображение. Ты как-то сказала, что у меня ломкий разум, но не он один. Небо тоже покрыто трещинами, и порой я вижу, что находится по другую сторону.

Я украдкой посмотрел на Джорджию, чтобы проверить, не напугало ли ее мое признание. Но она выглядела не напуганной, а заинтригованной, восхищенной. Прекрасной. Водушевившись ее реакцией, я продолжил:

– В детстве я часто боялся. Когда я приезжал на лето к Пиби, она пыталась успокоить меня сказками. Библейскими историями. Она даже рассказала мне о Моисее – младенце, которого нашли в корзине, прямо как меня. Кстати, так я и получил свое имя.

Джорджия кивнула. Все это знали.

– Бабушка зачитывала мне их, чтобы отвлечь на мысли о чем-то приятном. Но по-настоящему все изменилось, когда она показала мне картины. У нее была книга с сакральными произведениями искусства. Кто-то пожертвовал ее церкви, но Пиби забрала книгу домой, чтобы никто не оскорбился из-за иллюстраций с обнаженными белыми людьми. Она зарисовала все причинные места черным маркером.

Джорджия рассмеялась, и у меня перехватило дыхание. От ее смеха, грудного и мелодичного, мое сердце начало раздуваться, как воздушный шарик, увеличиваясь и увеличиваясь в размерах, пока мне не стало трудно дышать.

– Значит, тебе приглянулись те картины? – поторопила Джорджия, когда я слишком долго простоял в молчании.

– Ага.

Она снова рассмеялась.

– Но не из-за голых людей! – я почувствовал себя нелепо и

начал заливаться краской. – Мне нравилась красота. Цвета. Страдания.

– Страдания?

– Они не имели ко мне никакого отношения. Эти страдания были очевидны каждому, не только мне. И никто не ждал, что я каким-то чудом решу все проблемы.

Взгляд Джорджии прошелся по моему лицу – мимолетно, словно шепот – и тут же вернулся к моим пальцам.

– Ты когда-нибудь видела «Пьету»? – Я хотел, чтобы она вновь взглянула на меня, и добился своего.

– Что это? – спросила Джорджия.

– Ее создал Микеланджело. Это скульптура Девы Марии, держащей Христа. Ее сына. После его смерти.

Я замолк, сам не зная, зачем ей об этом рассказываю. Что-то мне подсказывало, что Джорджию это мало интересует. Но я все равно продолжил:

– Ее лицо, лицо Мадонны... оно такое прекрасное. Умиротворенное. Сама скульптура мне не очень нравится, но лицо Марии просто невероятное. Когда образы в моей голове становятся невыносимыми, я вспоминаю о ней и пытаюсь думать о чем-то другом. О красках и игре света в картинах Мане, о деталях в картинах Вермеера. Он прорисовывал все до мельчайших подробностей: маленькие трещинки на стене, пятно на воротнике, один гвоздь – и в этих мелочах, в их идеальной простоте, присутствует своя красота. Я пытаюсь потеснить этими мыслями те, что не могу контролировать,

что не хочу видеть, но вынужден... беспрерывно.

Я наконец замолчал. Мое дыхание сбилось, язык будто онемел, как если бы я исчерпал свой дневной лимит слов, и мои губы ослабли от нагрузки. Не помню, когда я в последний раз столько говорил.

– Идеальная простота... – выдохнула Джорджия.

Она подняла руку и провела по влажной дорожке, которую я вывел пальцем, будто тоже хотела рисовать. А затем твердо на меня посмотрела.

– Я очень простая девушка, Моисей, и всегда ею буду. Я это понимаю. Я не умею рисовать. Не знаю, кто такой Вермеер или Мане. Но если ты считаешь, что в простоте есть своя красота, это дает мне надежду. И, возможно, однажды, когда тебе потребуется сбежать от страданий в твоей голове, ты подумаешь обо мне.

В тени ее карие глаза казались черными – того же цвета, что и вода, в которой мы купались, – и я слепо пытался найти какую-то опору, чтобы не утонуть в них.

Правая рука Джорджии по-прежнему была прижата к стене рядом с моей, и я начал обводить ее пальцы – как ребенок обводит мелками свою ладонь, вверх, вниз и вокруг, – пока не остановился у большого пальца. Затем легонько, как перышко, поднялся к ее плечу. Очертил хрупкие ключицы, продвигаясь ко второму плечу, и спустился вниз по левой руке. Нащупав ее пальцы, я переплелся с ними своими и крепко сжал. Я ждал, что она подастся вперед и прижмет к

мне губами, возьмет контроль над ситуацией, как обычно. Но Джорджия не двигалась – просто держала мою руку под водой и наблюдала за мной. И тогда я сдался. С превеликим удовольствием.

Ее губы были мокрыми и холодными, как, наверное, и мои. Но тепло ее языка поприветствовало меня жаркими объятиями, и я прильнул к ней со вздохом, который непременно бы меня опозорил, если бы она не вторила ему своим собственным.

Джорджия

Мы с Моисеем наблюдали, как мои родители проводят сеанс иппотерапии с небольшой группой наркоманов из реабилитационного центра Ричфилда, находившегося в часе езды южнее Левана. Раз в две недели к нашему дому подъезжал фургон с молодежью – детьми моего возраста и чуть постарше, – и на протяжении двух часов родители позволяли им общаться с лошадьми в круглом загоне, проводя череду различных упражнений, чтобы они разобрались в собственной жизни.

Я помогала на сеансах с детьми, страдающими аутизмом и катавшимися на лошадях для физической реабилитации, но, если клиенты были моими ровесниками или старше, родители запрещали мне участвовать или даже работать с лошадьми. Поэтому я пошла к Кэтлин, зная, что Моисей дол-

жен был уже закончить чинить забор, и заманила его на задний двор при помощи колы и двух кусочков пирога с лимонной меренгой, которым радостно поделилась его прабабушка. Я ей нравилась, и она всеми силами помогала мне, когда Моисей делал вид, что не хочет ни моей компании, ни пирога, хотя мы обе прекрасно знали, что это не так.

С нашего места на лужайке не было слышно, что говорили родители, но зато с нее открывался хороший вид. Мы находились достаточно далеко, чтобы не привлекать их внимание, и при этом могли наблюдать, как проходит терапия. Будучи по натуре любопытной, я пыталась понять, какие дети еще приедут, а какие закончили девятистодневную программу или добились желаемого результата раньше времени. Я мысленно запоминала тех, кто выглядел несчастно, и тех, кто делал успехи.

– Как они называются? У разных окрасов разные названия, верно? – внезапно поинтересовался Моисей, глядя на лошадей в загоне.

Он держал в руках кисть, словно прихватил ее по привычке, и крутил между пальцев, как барабанщики рок-групп палочки.

– У них полно мастей и окрасов! В смысле, ясное дело, что все они лошади, но у каждой смеси свое название. – Я показала на каштанового жеребца в углу. – Видишь его? Мерла? Он бурый, а Сакетт – соловой масти. Долли гнедая, а Лакки – вороной.

– Вороной?

– Да. Он полностью черный, – ответила я, и глазом не моргнув.

– Что ж, это легко запомнить, – посмеялся Моисей.

– Ага. Есть серые, черные, рыжие и белые. Реба чубарая, серая с пятнами на крестце. Но мы не любим вешать на них подобные ярлыки на иппотерапии. И мы не зовем их по именам. Мы даже не говорим нашим клиентам, кто из них кобылы, а кто жеребцы.

– Почему? Это не политкорректно? – подколот Моисей.

Он снова рассмеялся, и я толкнула его локтем. Мне нравилось, что он проявлял интерес и выглядел расслабленно. Если бы только мне удалось затащить его в загон...

– Потому что клиент должен отождествлять себя с лошадью и сам повесить на нее ярлык. Если лошадь демонстрирует определенную модель поведения, с которой клиент должен себя проассоциировать, ты не захочешь, чтобы у него были какие-либо предубеждения по поводу ее пола или масти. Тогда его мнение о лошади будет основано на том, кого он хочет в ней видеть.

Я говорила прямо как моя мать и мысленно погладила себя по спинке за то, что мне удалось все правильно объяснить. Я выросла на рассказах об иппотерапии, но никогда не пробовала сама изложить ее суть.

– Бессмыслица какая-то.

– Ладно. Давай представим, что у тебя проблемы с мате-

рю.

Взгляд Моисея так и кричал: «Даже не начинай!» Так что, естественно, я продолжила развивать тему:

– Представим, что ты на сеансе терапии и рассказываешь о своих чувствах к матери. И лошадь начинает демонстрировать определенный тип поведения, который внезапно объясняет *твое* поведение... или твоей матери. Если мы тебе с ходу скажем, что это жеребец по кличке Горди, ты не сможешь проассоциировать его со своей матерью. Во время терапии лошади будут кем угодно, кем клиент захочет их видеть.

– Значит, ты бы не хотела, чтобы я заметил, что та соловая лошадь с белой гривой и бронзовой шерсткой похожа на тебя и постоянно всем досаждают?

– Сакетт? – за него мне было обиднее, чем за себя. – Сакетт никому не досаждают! И это *он*, что лишь подтверждает мои слова о предубеждениях. Если бы ты знал, что это конь, а не кобыла, то не смог бы увидеть в нем Джорджию и наговорить гадостей. Сакетт умный! И когда ситуация накаляется, можешь даже не сомневаться: Сакетт окажется в самой гуще событий!

В моем голосе сквозили обиженные нотки, и я с пару секунд сердито прожигала Моисея взглядом, прежде чем самой перейти в атаку.

– А ты – точная копия Лакки!

Моисей старался сохранять каменное выражение лица, но я видела, что ему весело.

– Потому что он черный?

– Нет, тупица. Потому что он любит меня, но постоянно делает вид, что не хочет иметь со мной ничего общего! – парировала я.

Моисей подавился, и я хорошенько ударила его в живот, отчего он резко втянул воздух и схватил меня за руки.

– Значит, ты не хочешь, чтобы клиенты обращали внимание на окрас. Ты же знаешь, что это не в природе человека.

Моисей поднял мои руки над головой и всмотрелся в мое покрасневшее лицо. Удостоверившись, что я больше не буду драться, он ослабил хватку, снова посмотрел на лошадей и продолжил:

– Люди всегда говорят, что им плевать на цвет кожи. И я их понимаю. Но, возможно, вместо того чтобы не обращать на них внимание, нам нужно отмечать все цвета, всю палитру. Меня немного бесит, что мы должны игнорировать наши различия, хотя в них нет ничего плохого.

Я только и могла, что пялиться на него. Он был так прекрасен. И мне нравилось, когда он затрагивал со мной серьезные темы и пускался в философию. Нравилось до такой степени, что даже не хотелось ничего добавить к его словам. После нескольких долгих минут в молчании Моисей наконец посмотрел на меня и заметил мой взгляд.

– Мне нравится твоя кожа. Цвет твоих глаз. Я что, должен просто это игнорировать? – прошептал он, и мое сердце галопом промчалось по загону, перепрыгнуло через забор и

счастливого вернулось ко мне.

– Тебе нравится моя кожа? – ошеломленно выдохнула я.

– Да, – признался Моисей и снова перевел взгляд на лошадей.

Это самое приятное, что он когда-либо мне говорил. Я довольно разлеглась на газоне, не желая нарушать этот момент.

– Если бы ты рисовал меня, то какие бы краски использовал?

– Коричневую, белую, золотую, розовую, персиковую, – Моисей вздохнул. – Пришлось бы экспериментировать.

– Ты меня нарисуешь? – Мне этого отчаянно хотелось.

– Нет, – снова вздохнул он.

– Почему?

Я пыталась не выдать своих раненых чувств.

– Мне легче рисовать образы из головы, чем то, что я вижу собственными глазами.

– Тогда... нарисуй меня по памяти, – я села и закрыла его глаза ладонями. – Зажмурься. Вот так. Теперь представь меня. Ага. Видишь? Я соловая, которая постоянно действует тебе на нервы.

Его губы изогнулись в улыбке, будто он хотел рассмеяться, но рук я не убрала.

– Нет, не открывай. Кисть уже у тебя. А вот и холст, – я подняла его ладонь к своему лицу. – Теперь рисуй.

Моисей опустил руку на колени, явно ведя внутреннюю борьбу. Я убрала ладони с его глаз, но он их не открывал.

Затем он снова поднял руку и легонько провел сухой кисточкой по моему лицу.

– Что это было?

– Мой лоб.

– Какая сторона?

– Левая.

– А это?

– Щека.

– А это?

– Подбородок.

Мне было щекотно, но я не осмеливалась пошевелиться. Моисей обвел изгиб моего подбородка и провел прямую линию к шее. Я сглотнула, когда кисть скользнула по моему горлу к груди. У моей футболки был V-образный вырез, и Моисей, по-прежнему прижимая кисть к коже, остановился прямо над моим сердцем. Но глаза все так же не открывал.

– Если бы я рисовал тебя, мне понадобились бы все оттенки, – внезапно произнес он мечтательным голосом, будто не сомневался, что не сможет меня нарисовать... но очень хотел. – У тебя были бы алые губы, персиковая кожа и эбеновые глаза с фиолетовыми тенями. Твои волосы были бы прорежены золотыми, белыми и голубыми прядями, а кожа затенена карамельной и кремовой красками, с вкраплениями розового и коричневого.

В процессе разговора он водил кистью в разные стороны, будто действительно мысленно рисовал меня. А затем вдруг

остановился и открыл глаза. Мое дыхание замерло, и я попыталась незаметно выдохнуть. Но Моисей знал. Знал, какое воздействие оказали его слова. Он откинул кисть и встал, нарушая заклятие, наложенное его ласковыми мазками и нашептываемыми словами. А затем пошел в дом, бросив меня на газоне, но я могла поклясться, что слышала, как он про-
бормотал себе под нос:

– Я не могу нарисовать тебя, Джорджия... ты жива.

Глава 6. Моисей

Джорджия все никак от меня не отставала. Я всеми силами пытался ее отшить – мне были ни к чему ее попытки меня охомутать. Я собирался покинуть этот город, как только представится возможность, и Джорджия не входила в мои планы. Большую часть времени я обращался с ней как с дерьмом, но она просто отмахивалась от моих нападков и приходила за добавкой. Ее ничто не могло смутить и уж тем более отвадить от меня. Проблема заключалась в том, что мне нравилось с ней целоваться. Нравилось запускать пальцы в ее шелковистые волосы, нравилось, как она прижималась ко мне всем телом, требуя и неизменно получая мое внимание – каждый чертов раз.

А еще она смешила меня, хотя я не из тех, кого легко развеселить. Я ругался чаще, чем улыбался. В моей жизни попросту было мало веселого. Но Джорджии всегда удавалось поднять мне настроение. Довольно трудно оттолкнуть человека, когда ты с ним постоянно шутишь и целуешься. Вот она и не уходила.

Я думал, что после той ночи на рodeo, когда ее напугали и связали, у Джорджии поубавится спеси. Вот Терренс Андерсон, чье мнение о ней состояло из одной нецензурщины, определенно сбавил спесь, когда я прижал его через пару дней после фестиваля и объяснил, что мальчики, которые

любит баловаться веревками, легко могут порезаться о ножик, которым любят баловаться мужчины. Откровенно говоря, я хорошо умел орудовать ножом – мог метнуть его и попасть прямо в цель с расстояния в двадцать шагов, – и исчерпывающе ему это растолковал. Я взял большой разделочный нож с кухни Пиби и оставил Терренсу царапину на щеке – прямо на том же месте, где кровоточила щека Джорджии.

Терренс твердил, что не нападал на нее. Но при этом его глаза подозрительно бегали. Даже если он этого не делал, он все равно был придурком, так что совесть меня не мучила. Я жалел лишь об одном: что мне вообще пришлось его припугнуть. Проблемы Джорджии меня не касались. *Она* была моей проблемой. Как сейчас, когда она решила помочь мне чинить забор, постоянно болтала, смешила меня и тем самым бесила.

– С тобой толку не будет. Скоро пойдет дождь, и я не успею закончить. Эта часть забора уже достала меня, а ты не помогаешь.

– Хнык, хнык, хнык, – Джорджия вздохнула. – Мы с тобой оба прекрасно знаем, что я мастер по починке заборов.

Я рассмеялся. *Снова.*

– Да ты в этом ужасна! Еще и перчатки забыла! И из-за того, что мне пришлось отдать тебе свои, мои руки теперь похожи на дикобразов от всех этих чертовых заноз. Говорю – от тебя помощи никакой.

– Так, Моисей, с меня хватит. Назови мне пять плюсов, –

ржавкнула Джорджия, как сержант, приказывающий отжаться.

– Пять плюсов?

– Пять плюсов этого дня. Пять положительных моментов, за которые ты благодарен жизни. Вперед.

Я угрюмо уставился на нее.

– Ладно, я начну. Это легко. Первые пять плюсов, которые приходят в голову: бекон, мокрые салфетки, Тим Макгро, тушь для ресниц и розмарин.

– Довольно странный набор, – заметил я.

– Ты сам говорил, что нужно искать красоту в мелочах. Как там звали того художника? Вермеер?

– Вермеер был не просто художником, а живописцем, – хмуро возразил я.

– Но он рисовал гвозди, пятна и трещины в стенах, верно? Меня впечатлило, что она запомнила.

– Суть этой игры такая же – искать прекрасное в обыденном. Единственное правило – быть благодарным. Мама с папой постоянно ее используют. В нашем доме запрещено ныть, приемные дети быстро это усваивают. Как только ты начинаешь жалеть себя или ворчать, что твоя жизнь отстой, то немедленно должен назвать пять плюсов.

– Я могу назвать пять минусов, которые действуют мне на нервы, – я саркастично улыбнулся. – На первом месте мои перчатки, которые ты забрала. Далее следуют твои дурацкие списки и тот факт, что ты назвала Вермеера художником.

– Ты сам отдал мне перчатки! И да, игра раздражает, но в ней что-то есть. Она смещает акценты, пусть и всего на минуту. И пресекает твоё нытьё. У меня была младшая приёмная сестра, которая всегда называла одни и те же плюсы. Туалетная бумага, спагетти в томатном соусе, шнурки, лампочки и храп её матери. Когда она пришла к нам, у неё были с собой только шлепанцы. Мы купили ей кроссовки со светящимися зелёными шнурками и розовыми сердечками. Она постоянно ходила в них и смотрела на шнурки.

– Ей нравился храп её матери?

– Он значил, что её мать всё ещё жива.

Мне стало немного дурно. Дети по всему миру терпят слишком много дерьма от тех, кто должен заботиться о них больше всех. А затем эти дети взрослеют, и всё повторяется. Наверное, в моём случае тоже так будет, если у меня когда-нибудь появятся дети. Тем больше причин их не заводить. Пока я размышлял о тленности человечества, Джорджия продолжила:

– Мама предлагает детям назвать ей пять вещей, которые их беспокоят, о которых им нужно выговориться. Перечисляя, они загибают пальцы. – Джорджия взяла мою ладонь и продемонстрировала: – Например, «Я устал». «Я скучаю по маме». «Я не хочу здесь находиться». «Не хочу идти в школу». «Мне страшно». Да что угодно. Затем, выразив свои негативные чувства, они зажимают кулак и выбрасывают их. – Она сжала мои пальцы в кулак и показала движение,

выбрасывая воображаемый комок жалоб. – После этого они должны назвать пять плюсов. Это помогает им перестроить свое мышление и напоминает, что, даже когда жизнь кажется отстойной, она не всегда такая.

Джорджия выжидающе посмотрела на меня, по-прежнему держа мою руку. Я уставился в ответ.

– Давай же, Моисей. Пять плюсов. Начинай.

– Не могу, – отрезал я.

– Конечно же, можешь. Я могу назвать их за тебя, но это так не работает. *Ты* должен испытывать благодарность.

– Ладно, назови пять плюсов за меня, – огрызнулся я, убиравая руку из ее хватки. – Думаешь, ты так хорошо меня знаешь?

Мой голос оставался спокойным, но кожу покалывало от злости, которую я никак не мог подавить. Джорджия Шеперд считала, что разгадала тайну жизни, но она пережила слишком мало страданий, чтобы хоть сколько-то в ней разбираться.

Джорджия упрямо схватила меня за руку и ласково поцеловала каждый мой палец, перечисляя плюсы:

– Глаза Джорджии. Волосы Джорджии. Улыбка Джорджии. Характер Джорджии. Поцелуи Джорджии, – она хлопала ресничками. – Видишь? Безусловные плюсы для Моисея.

С этим было не поспорить. Все эти пункты определенно можно было отнести к плюсам.

– Ну что, довольна собой? – я покачал головой и невольно улыбнулся.

Мои пальцы покалывало от ее поцелуев, и мне хотелось, чтобы она продолжила. Каким-то образом Джорджия это знала. Она вновь прижала мою ладонь к своим губам.

– А вот мои, – она поцеловала мой мизинец. – Глаза Моисея. – Перешла к безымянному пальцу. – Улыбка Моисея. – Затем к среднему. – Смех Моисея. – Ее губы были такими мягкими. – Картины Моисея. – Дойдя до большого пальца, она ласково прижалась к подушечке. – Поцелуй Моисея.

И тогда Джорджия поцеловала мою ладонь.

– Вот такие мои пять плюсов на сегодня. Такими же они были вчера, будут завтра и послезавтра, пока твои поцелуи мне не наскучат. И тогда мы придумаем что-нибудь поинтереснее.

Джорджия

Все на него пялились. Даже несмотря на то, что шла только вторая неделя учебного года и Моисей был новеньким, все его знали. Точнее, о нем. Для начала, он был черным, а в маленькой школе с преимущественно белыми детьми это бросалось в глаза. К тому же он был красивым. Но мы не поэтому пялились. Моисей пришел в кабинет английской литературы и рисовал на доске, хотя по расписанию у него был другой урок. Вернувшись с большой перемены, мы обнару-

жили на двух больших досках рисунок, подобных которому не видел ни один из учеников. Ну, кроме меня. Я хорошо знала, на что способен Моисей.

Он внезапно замер, будто разрывался между желанием завершить свой шедевр и сбежать из кабинета. А затем пришла мисс Мюррей, и второй вариант самоисключился. На его смуглой щеке остался черный мазок, ладони тоже были испачканы, как если бы он тушевал ими эротическую картину за его спиной. Моисей смущенно переминался с ноги на ногу, его округленные золотистые глаза забегали, как у загнанного в угол зверька. А его определенно загнали в угол. Мисс Мюррей застыла в дверном проеме и не сводила взгляда с доски. Посмотрев на нее, чтобы оценить, ждет ли Моисея выговор или, того хуже, исключение из школы, я заметила, что по щекам учительницы текут слезы, и она изумленно прикрывала руками рот. Довольно странная реакция.

Мисс Мюррей тяжело было заставить прослезиться. Обычно она вела себя строго и сдержанно. Как любой хороший учитель, она не кричала и не поддавалась эмоциям, когда ученики проявляли неуважение или портачили, что я очень ценила. Школа и без учительской драмы была настоящим сумасшедшим домом. Если мисс Мюррей была чем-то недовольна, как правило, она просто уничтожала нас взглядом и заваливала домашней работой. Но не плакала.

Плохи дела. Очевидно, Моисей тоже это понимал, поскольку он уронил маркер и отошел, вертя головой из сторо-

ны в сторону, будто пытался найти пути к отступлению.

– Что это вообще такое? – спросил Чарли Морган. Он никогда не умел держать язык за зубами. Обычно меня бесила его болтливость, но сейчас я была ему признательна. Меня тоже это интересовало. Чарли показал на доску. – Это водопад?

Когда Моисей не ответил, он продолжил:

– А за водопадом... это люди, верно? – Чарли рассмеялся. – Они целуются! И, по-моему, на них нет одежды.

Некоторые мои одноклассники посмеялись, но наши взгляды были прикованы к воде, стекающей со скал по бокам от пары, которая почти скрылась за серебристым потоком. Если прищуриться, размывая границы черных очертаний на неромантической белой доске, я почти могла представить, что картина реальна, что люди за водопадом живут и дышат, что они действительно целуются, а мы всматриваемся в брызги, наблюдая за их интимной встречей. И да, они определенно были голыми. Мои щеки зарделись, и я отвернулась. От рисунка Моисея мне стало неуютно в собственной шкуре, мое тело изнывало от желания, которое всегда пробуждалось в его присутствии. Это натолкнуло меня на мысли о той ночи в водонапорной башне: о наших поцелуях и жаре в моем животе, который не исчез даже после того, как мы попрощались.

– Это ты нарисовал? – спросил кто-то позади меня. По голосу было похоже на Кирстен, но я не стала поворачиваться и проверять. – Очень красиво. Ты замечательный художник.

– Класс, тихо! – Мисс Мюррей вновь обрела голос, хотя он дрожал, будто она все еще плакала. – Пожалуйста, выйдите из кабинета. Вместе с вещами. Поработайте пока над эссе, которое я задала вам на пятницу. Моисей, а ты останься.

Работа над эссе интриговала меня в разы меньше, чем причина, по которой мисс Мюррей прослезилась от вида обнаженных людей на доске, нарисованных не кем иным, как самим Моисеем Райтом – моим Моисеем. Который по совместительству был самым странным человеком из всех, кого я встречала. В любом случае отмена урока лучше, чем получить выволочку, да и выбора у меня не было. Мы все неохотно встали и начали выходить за дверь. Я шла последней и встретила взглядом с Моисеем, прежде чем закрыть ее за собой. Он выглядел так, будто хотел позвать меня, объясниться. Но затем дверь захлопнулась, и я оказалась по другую сторону. И все же мне показалось, что я услышала, как мисс Мюррей задала Моисею очень странный вопрос:

– Откуда? Откуда ты знаешь о Рэе?

Джорджия

Моисея временно отстранили от занятий. По всей видимости, мисс Мюррей не понравилось, что он нарисовал на ее доске голых людей, целующихся под водопадом. Честно говоря, я немного удивилась. Мне не показалось, что рисунок нес насмешливый характер. Но, полагаю, для школьного

кабинета в нем было слишком много эротизма. Я снова покраснела и задалась вопросом, о чем только думал Моисей. Что толкнуло его на такой сумасбродный поступок? Может, он хотел привлечь к себе внимание? Школьный год только начался, до мая было еще далеко, и судя по тому, что мне удалось выудить из него, он не мог себе позволить пропускать занятия. Ему попросту не хватит оценок, чтобы окончить школу, если он не будет надирать задницу. А отстранение звучало довольно контрпродуктивно.

Я не сомневалась, что его прабабушка сможет подергать за ниточки и все уладить, но в течение следующих двух месяцев он только и делал, что попадал в неприятности. Моисей разрисовал еще одну конюшню черной, серебряной и золотой красками, и рисунок выглядел так натурально, что казалось, будто всю северную часть поглотила черная дыра, оставившая после себя свирепую бурю. Спустя какое-то время я узнала, что тридцать лет назад в амбар ударила молния, сжигая его дотла, и тогда погиб человек. Мужчина пытался вывести лошадей и сгорел в пожаре. Услышав предысторию, рисунок уже не казался мне таким прекрасным.

В конце концов конюшню восстановили, а вдова того мужчины вновь вышла замуж, но Шарлотту Баттерс не особо впечатлили художественные способности Моисея, и она оповестила весь город, что считала его шутку непомерно жестокой. Хотя мне казалось, что это просто неудачное совпадение. Мне было бы жалко закрашивать что-то столь восхи-

тительное, но Шарлотта все свирепствовала, и Кэтлин пришлось пригладить ей перышки, пообещав, что Моисей все исправит. И в придачу перекрасит всю остальную часть амбара в качестве возмещения ущерба. На этот раз никакого буйства красок или Сикстинской капеллы. Просто самый обычный красный амбар и долгие часы на стремянке. Само собой, я снова составила ему компанию, хоть он и пытался от меня отделаться. Как всегда.

Наступил октябрь, но несмотря на изменения в температуре воздуха и уменьшение светового дня, осень порадовала нас чередой неожиданно теплых деньков. Достаточно теплых, чтобы покраска конюшни после школы не вызывала полного отвращения, особенно когда это значило, что я увижусь с Моисеем... хочет он того или нет. У нас сложились очень странные отношения. В одну минуту он кричал, чтобы я проваливалась, а в следующую целовал так, будто никогда не хотел отпускать.

Сказать, что я была взвинчена и сбита с толку, это ничего не сказать. Когда я явилась к нему в потрепанных джинсах и майке, пережившей сотню стирок, и предложила свою помощь, он окинул меня взглядом и зачитал перечень всего, что мне можно и нельзя делать. Как по мне, он слегка перебарщивал, учитывая, что мы всего лишь красили амбар. Когда он закончил свой исчерпывающий список инструкций и параметров, я шумно вздохнула и взяла кисть. Моисей пару минут скептически наблюдал за моими действиями, а затем

отобрал у меня кисть и начал накладывать еще один слой краски поверх моей.

Когда я возмутилась, он прервал меня:

– Моя работа – мои правила.

– Правила, значит? Скорее, законы.

– Да. Закон Моисея, – он усмехнулся.

– Мне казалось, что закон Моисея – это Десять заповедей.

– Вряд ли у меня наберется так много.

– Ну, мы находимся в штате Джорджия, и здесь другие законы. Так что, когда ты в Джорджии...

– И когда я в Джорджии? – тихо, едва различимо спросил он.

Я покраснела, услышав сексуальный подтекст в его словах. Но будучи не из тех, кто идет на попятную, я все равно бахвалилась:

– Ха! Мечтай.

Я было продолжила красить, но Моисей оттолкнул меня от банки с краской.

– Ты вертишься вокруг меня только потому, что любишь нарушать правила. И не думай, что я не знаю, что у твоих родителей есть четкие предписания, когда дело касается нас с тобой. Наше общение сводит их с ума. Особенно твою маму. Она боится меня.

Что ж, это правда... а он смывленный. Это определенно одна из причин, по которой меня влекло к нему. Но когда он погружался в себя и рисовал как одержимый, создавая неве-

роятные шедевры, которые возникали откуда-то из глубины его янтарно-зеленых глаз, меня было от него не удержать. И я хотела, чтобы Моисей нарисовал меня. Хотела стоять перед ним, пока он покрывал меня красками, стать одним из его шедевров. Вписаться в его мир. Иронично, но впервые за всю жизнь мне не хотелось выделяться – если это значило, что я смогу заполнить его мысли и засесть у него в голове. Может, виной всему этому, что мне было семнадцать, или же первая любовь, ну или первая страсть. Или вообще жара. Но я хотела его так отчаянно, что это поглощало меня изнутри. Мне никогда еще ничего так не хотелось. И я даже представить не могла, чтобы мне когда-нибудь могло захотеться чего-то с такой же силой.

– Почему я нравлюсь тебе, Моисей? – вздохнула я, уперев руки в бока. Мне надоело играть в эти игры, надоело не знать, чего он от меня хочет.

– Кто сказал, что ты мне нравишься? – тихо ответил он. Но затем посмотрел на меня. И его глаза вселили в меня надежду, в то время как слова грозили уничтожить. Его глаза говорили, что это правда.

– Это что, один из твоих законов? «Не возлюби Джорджию»?

– Не-а. Скорее, «не навись на повешение».

Мне стало дурно.

– Повешение? Ты намекаешь на линчевание, что ли? Это уже выходит за все границы, Моисей. Может, мы и деревен-

щина. Может, я и говорю «увидала» вместо «увидела». Может, мы и маленький городишко с узким мышлением. Но здесь никому нет дела, что ты черный. Сейчас не шестидесятые, и это тебе уж точно не Дальний Юг³.

– Но мы в Джорджии, – все так же тихо ответил он, играя с моим именем, как это делала я. – А ты сладкий джорджийский персик с бархатистой розовой кожицей, но я на него не искушусь.

Я пожалала плечами. Но он *уже* искусился – в том и проблема. От его слов мне захотелось податься вперед и впиться зубами в его мускулистое левое плечо. Захотелось укусить его достаточно сильно, чтобы выразить весь свой гнев, но при этом достаточно ласково, чтобы он позволил мне сделать это еще раз.

– Ну, и какие еще у тебя законы?

– «Рисуй».

– Ладно. Похоже, ему ты следуешь безоговорочно. Что еще?

– «Держись подальше от блондинок».

Он всегда пытался меня подколоть. Всегда пытался задеть за живое.

– От всех, не только от Джорджии? Почему?

– Они мне не нравятся. Моя мать была блондинкой.

---

³ Герои имеют в виду суд Линча – убийство человека, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно уличной толпой, путем повешения. Особенно практиковался на Юге США в отношении темнокожих после Гражданской войны.

– А твой отец – черным?

– Бытует мнение, что большинство блондинок не могут родить черных детей самостоятельно.

Я закатила глаза.

– А ты еще говоришь, что это мы предвзятые.

– О, у меня полно предрассудков, но на то есть причины. Я никогда не встречал блондинку, которая бы мне понравилась.

– Ну, не беда, перекрашусь в рыжий.

Губы Моисея расплылись в такой широкой улыбке, что я испугалась, как бы они не треснули. Похоже, он удивился своей реакции не меньше меня. Он согнулся пополам и, уперев руки в колени, зашелся таким смехом, какого я еще от него не слышала. Я выхватила у него кисточку, испачканную алой краской, и провела ею вдоль своей косички. Моисей уже начал задыхаться от хохота, но в конце концов покачал головой и, протянув руку, потребовал кисть обратно.

– Не делай этого, – пропыхтел он, от смеха в уголках его глаз выступили слезы.

Но я продолжила краситься, и он наскочил на меня, пытаюсь забрать кисть. Я отвернулась, максимально вытянув руку и выпятив зад, чтобы он не мог до нее достать. Но Моисей был выше и с легкостью обхватил меня руками, вырывая кисть из моих пальцев. На моих ладонях осталась краска, и, повернувшись, я вытерла их о его лицо, из-за чего он стал похож на воина Апачи. Моисей ойкнул и, не желая оставать-

ся в долгу, провел кистью точно такую же линию на моей щеке. Наклонившись, я заметила банку с краской и окунула пальцы в шелковистую алую жидкость. А затем повернулась к Моисею со злорадной ухмылкой на лице.

– Я просто следую закону, Моисей. Как он там звучал? «Рисуй»?

Мои губы растянулись в улыбке, и Моисей поймал меня за руку. Я щелкнула пальцем, и на его рубашку брызнули маленькие красные капельки.

– Джорджия, лучше беги.

Он по-прежнему улыбался, но в его глазах плясали чертики, от которых у меня подгибались колени. Я приторно ему улыбнулась.

– С чего бы мне это делать, Моисей? Вдруг я хочу, чтобы ты меня поймал?

Он посерьезнел, но его глаза стали добрее. А затем, все так же держа меня одной рукой за запястье, он схватил мою скользкую от краски косичку и притянул к себе.

И на сей раз позволил мне руководить.

Моисей двигался плавно, позволяя мне задать темп. Я втянула его нижнюю губу и дернула на себя за рубашку. Мне хотелось, чтобы между нами не существовало никаких законов и правил. Чтобы мы просто делали, что пожелаем. Чтобы я могла лечь в тени амбара и притянуть его к себе. Чтобы я могла пойти на то, чего жаждало мое тело. Чтобы я могла покрыть его алой краской, а он бы прижался ко мне и покрыл

в отместку. И тогда между нами не осталось бы различий, не было бы никакой дележки на черных и белых, на тогда и сейчас, на преступления и наказания. Только ярко-красная пелена, отождествлявшая мою ярко-красную страсть.

Но от законов и правил никуда не деться. Есть законы природы и жизни. Любви и смерти. И если их нарушить, то будут последствия. И мы с Моисеем – подобно веренице обреченных возлюбленных, которые жили до нас и будут жить после, – подпадали под эти законы, независимо от того, следовали мы им или нет.

Глава 7. Моисей

Даже запах дурманил мне голову. Я чувствовал себя пьяным, в голове жутко стучало, грудь сдавило. Перед глазами мельтешили алые и желтые мазки, серебряные вихри и черные полосы. Мои руки парили, брызгая и смешивая краски. Было слишком темно, чтобы понять, соответствовало ли мое творение образу в голове. Но это не имело значения. Для меня, по крайней мере. А вот для девушки это было важно. Она хотела, чтобы кто-то увидел ее. Поэтому я нарисую ее портрет, покажу миру ее лицо, и тогда, возможно, она исчезнет.

Начиная с июля – с последнего дня фестиваля, когда я нашел Джорджию в загоне и отвез ее домой, – эта девушка частенько попадалась мне на глаза. Ее звали Молли. Она написала свое имя жирным курсивом, с завитками на букве «М». Я увидел его на бумажке с тестом по математике. Из всего, что она могла мне показать, почему-то ей захотелось обратить мое внимание именно на тест по математике. Подумать только! В верхнем углу была нарисована большая «А»⁴, и я подозревал, что Молли гордилась этой оценкой. Когда-то. В прошлом.

Она немного напоминала мне Джорджию – тоже блондинка, тоже со смешинкой в глазах. Но Молли постоянно показывала мне места и предметы, которые не имели для меня

---

⁴ 5 баллов по американской системе оценивания.

никакого смысла – вот как тест по математике. Подсолнухи, растущие вдоль трасс, по которым я никогда не ездил, затянута тучами небо и капли дождя на окне, обрамленном шторами в желтую полосу, женские руки и идеально подрумянившийся яблочный пирог с умело выложенными полосками сверху.

Внезапно мою картину подсветили сзади фары машины, едущей по тоннелю. Я быстро откинул баллончик с краской и сполз вниз по наклонной бетонной стене, а затем побежал что есть мочи – баллончики в импровизированном ремне бились о ноги и звонко стучались друг о друга.

Но машина поехала следом, направляя на меня лучи фар, и от паники я споткнулся и больно ударился о землю. Баллончики впились мне в живот и бедра, кожа с ладоней содралась о гравий. Машина вильнула и резко затормозила, и я временно скрылся из-под ее света. Я тут же вскочил, но с моей правой ногой было что-то не то. Я снова упал и вскрикнул от боли, пробившейся сквозь всплеск адреналина.

– Моисей?

Это оказалась не полиция. И даже не убийца девушки. Я почти не сомневался, что ее убили. Она выглядела слишком серьезно и свежо – такое я замечал только за призраками, чья смерть была жестокой и неожиданной. И недавней.

– Моисей?

Вот опять. Я повернулся, прикрывая глаза от света фонарика, направленного мне в лицо, и, прищурившись, посмот-

рел в сторону, откуда доносился голос.

– Джорджия?

Какого черта она здесь делает в час ночи в будний день? Осознав, что я рассуждаю как родитель, я тут же одернул себя. Это меня не касалось, как и ее не касалось, что я здесь делал. Казалось, я произнес эти слова вслух, поскольку Джорджия немедленно спросила:

– Что ты тут делаешь?

Она тоже говорила как родитель, и, не изменяя своим принципам, я проигнорировал ее вопрос.

Я попробовал встать, но, скривившись, заметил, что из моей ноги что-то торчит. Стекло. Огромный осколок, врезавшийся в мое колено при падении на асфальт.

– Зачем ты это делаешь? – ее голос был грустным, а не осуждающим. Не испуганным и даже не настороженным. Просто грустным, словно она безуспешно пыталась меня понять. – Почему ты постоянно рисуешь на чужой собственности?

– Это общественная собственность. Всем плевать.

Глупое заявление, но я не мог объяснить ей правду. Или кому-либо другому. Потому даже и не пытался.

– Шарлотте Баттерс было не плевать. И уж тем более мисс Мюррей.

– И что, теперь ты вышла на охоту, чтобы уберечь общество от краски?

Тоннель окружали одни лишь поля высокой золотистой

пшеницы... или что там растет у них в Юте. У съезда с эстакады ютилась небольшая кучка предприятий, но они были просто крошечным островком в золотом море.

– Не-а. Я видела, как ты уехал в сторону Нифая.

Я глуповато на нее уставился.

– Твои фары светили мне в окно при отъезде, а я не спала.

Что-то не складывалось. Я рисовал тут как минимум час.

– Я каталась по округе, пока не нашла тебя, – увидела твой джип на обочине, – тихо закончила Джорджия.

Ее откровенность поражала меня. Такая бесхитростная... Когда Джорджия пыталась скрыть свои чувства, я видел ее насквозь. Она была как стекло – чистое, прозрачное и ясное, как день. И, подобно стеклу, ее честность ранила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.